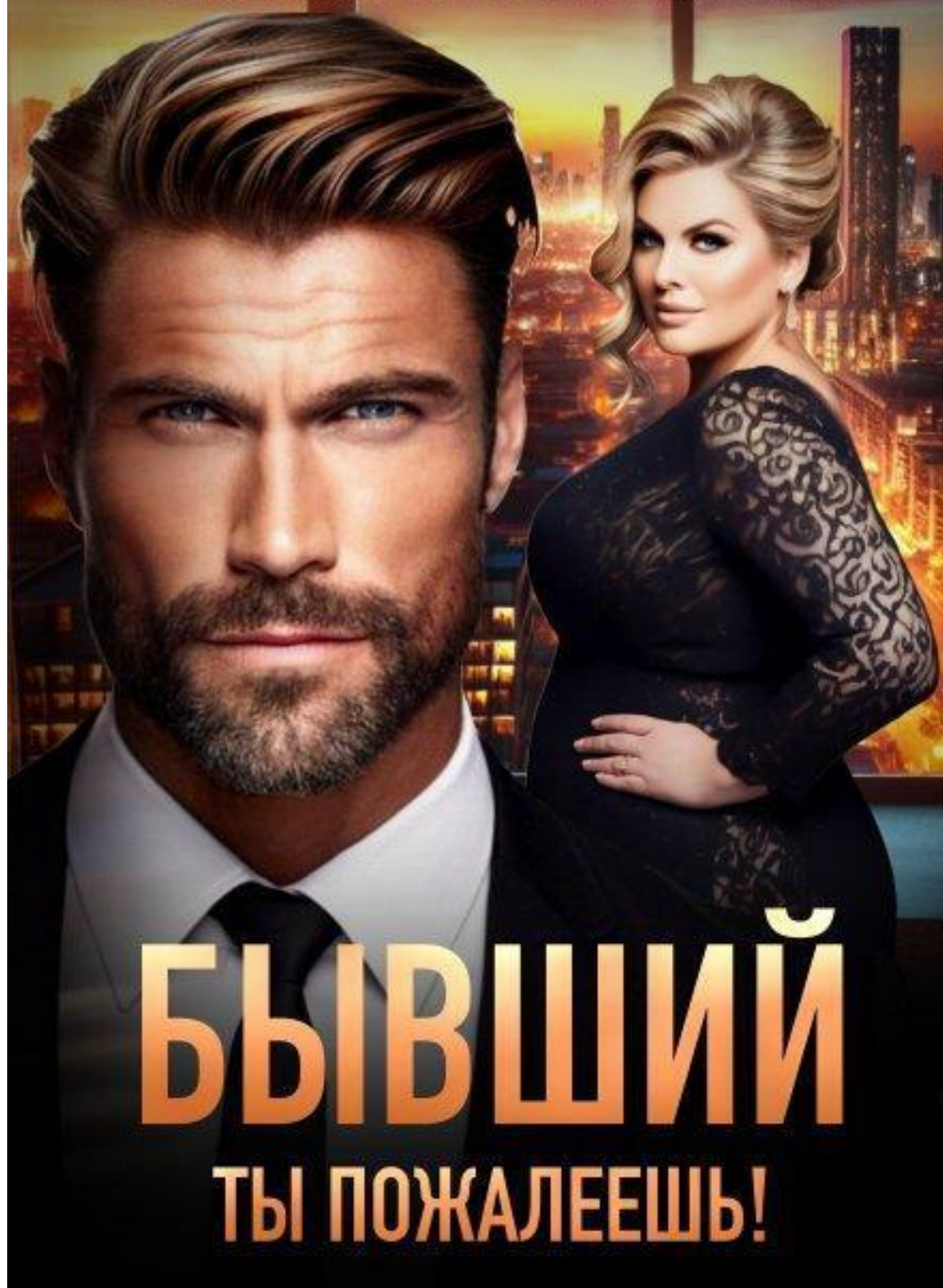

ИРА ОРЛОВА & ВИКТОРИЯ КИМ

БЫВШИЙ

ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ!

Ира Орлова

Бывший. Ты пожалеешь!

«Литнет»

2024

Орлова И.

Бывший. Ты пожалеешь! / И. Орлова — «Литнет», 2024

– Лариса, давай поговорим, – преграждая мне путь, стоит упрямо на своем Богдан. – Не о чем, – отмахиваюсь от него, пытаюсь обойти бывшего. – Есть. – Нет, Богдан, нет между нами уже ничего, что можно было бы обсудить. Мы чужие друг другу люди. Ты свой выбор сделал, еще когда я в больнице лежала. Нашел себе помоложе и сбежал, – говорю холодно, открыто смотря в льдистосиние глаза мужчины. – Я совершил ошибку, с кем не бывает? – хмурит лоб бывший муж, беря меня за руку. – Тем более раньше ты не была такой... Богдан легко перечеркнул двадцать четыре года нашего брака, бросил меня после аварии, в которую мы попали по его вине и теперь, когда я поднялась на ноги и научилась жить без него, пришел обратно, как ни в чем не бывало. А ведь я говорила ему, что он еще пожалеет о своих поступках... История Миры "Развод. Цена многодетного счастья "

Содержание

Глава 1	5
Глава 1.2	7
Глава 2	9
Глава 2.1	11
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8 Богдан	25
Глава 9 Богдан	28
Глава 10	31
Глава 11	35
Глава 12 Леся	37
Глава 13 Богдан	41
Глава 14 Богдан	43
Глава 15 Лариса	45
Глава 16 Богдан	49
Глава 17 Лариса	51
Глава 18 Богдан	55
Глава 19 Богдан	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

– Привет, – говорит Богдан, появляясь в моей палате и прикрывая за собой дверь.

На моем лице невольно расцветает улыбка. Так одиноко и плохо мне было здесь одной.

Нет, соседки по палате были, но все они абсолютно чужие для меня люди. Нас объединили проблемы со здоровьем и белые больничные стены, не более.

– Привет, – стараюсь пригладить растрепавшиеся волосы, хотя понимаю, что это тщетно. В пижаме и без макияжа я чувствую себя неловко, словно оказалась на сцене без репетиции. Муж в черном пальто, побритый и приятно пахнет своим парфюмом, как всегда выглядит безупречно. – Как ты?

– Нормально, – отмахиваюсь дежурной фразой, но внутри меня растет тревога. Не стоит показывать ему, насколько расклеилась за время его отсутствия. Я не хочу жаловаться, пусть слова уже и готовы сорваться с языка. – На завтра операцию назначили.

– Здорово, – скупно улыбается муж, отводя глаза. Он вообще как-то напряжен. Замечаю и то, как его губы сжимаются в тонкую линию. За столько лет я слишком хорошо его знала, чтобы не уловить неловкость, возникшую между нами. Это ощущение похоже на холодный ветер, проникающий сквозь одежду и заставляющий дрожать.

– Что-то случилось? – задаю вопрос, начиная волноваться и мысленно перебирая возможные варианты. – Ты поэтому так долго не при... – в горле встает ком обиды, но я тут же глушу ее, глухо откашливаясь и оставляя фразу без окончания. Не ко времени сейчас.

Богдан молчит. Ставит на тумбочку пакет с апельсинами. Яркие оранжевые плоды как будто неуместны в этой больничной палате. Они выглядят так живо и радостно на фоне белых стен и серого постельного белья. Супруг же оглядывается в поисках стула и, не найдя такового, присаживается на край моей кровати. Он всегда был брезглив и не любил подобные места. Вот и сейчас ему с трудом удастся подавить кислую гримасу.

А мне становится стыдно... За себя, за свое положение. Глупо, неправильно, но поделаться с собой ничего не могу.

– Случилось, – наконец нарушает он тишину, оглядываясь на моих соседок. Тамара Петровна спит, Вера смотрит фильм в наушниках с телефона. Словно убедившись в том, что свидетелей нашего разговора нет, Богдан негромко продолжает: – Я хотел поговорить позже. Но так сложились обстоятельства, – он делает паузу, переводя дыхание. На меня больше и вовсе не смотрит, будто бы разговаривая со стенкой. Сердце моё замирает в ожидании чего-то страшного. – Билеты хорошие подвернулись, а я Леське обещал давно... Да и чего тянуть? Лучше сразу, как пластырь, чем врать себе. И тебе...

Муж продолжает что-то ещё говорить, но я уже его не слышу. У меня начинает шуметь в ушах, во рту пересыхает от страха и горечи. Часто моргаю, стараясь отогнать слезы. Но в груди все пылает от боли. Я уже все поняла... Причем давно. Но гнала от себя эти мысли, списывала на мнительность и на то, что Богдан очень много работает, поэтому так редко навещает меня.

– Ты меня слушаешь? – спрашивает он недовольно, на этот раз все же найдя в себе смелость посмотреть на меня и заметить мое замешательство. Его голос звучит резко и настойчиво. Ещё и брови хмурит так, словно это я несколькими секундами ранее сообщила ему неугодную новость.

– А? – вздрагиваю, выныривая из своих мрачных раздумий. Слова даются с трудом. – Да. Билеты нельзя терять, конечно.

– Лариса, – взрывается он, резко поднимаясь и повышая голос, отчего Вера убирает один наушник, с любопытством поглядывая в нашу сторону. – Я ведь серьезно, а ты, как всегда, все переворачиваешь. При чем тут эти билеты? Я ухожу от тебя, понимаешь?

– Понимаю, – киваю с непроницаемым выражением лица. Мои слова звучат пусто и безжизненно. Внутри все переворачивается от боли и отчаяния. – К Лесе.

– И? – психует Богдан.

– Совет вам да любовь?... – сама не понимаю, почему мои слова звучат с вопросительной интонацией. Да и цели подшутить или наступить на больную мозоль у меня нет.

Пусть нашему браку уже и стукнуло целых двадцать четыре года; все же Богдана я и правда очень люблю. А любовь, как правило, заставляет нас идти на поистине глупые поступки. Например, как тот, что совершаю сейчас я — желая счастья своему супругу, которого затащила в постель его собственная секретарша. Или, может, все совсем наоборот?

Муж смотрит на меня исподлобья. Лицо его приобретает красноватый оттенок, как обычно бывает, когда его захлестывают сильные эмоции, а ноздри раздуваются, как у разъяренного быка. По всей видимости, Богдан ожидал услышать от меня совсем не это.

– Мужчина, вы на часы смотрите? Время для посещения закончилось, – доносится со стороны входа раздраженно из уст чем-то крайне раздражённой санитарки.

Глава 1.2

Я поднимаю глаза на Богдана, и в этот момент вся боль и разочарование сливаются в одно целое. Он, словно не замечая её, продолжает стоять у моей кровати, его напряженные плечи выдают внутреннюю борьбу. Но его взгляд — холодный и отстраненный — говорит о том, что он уже принял решение. В груди будто что-то разрывается. Несомненно, нечто важное. Словно кто-то вырвал часть меня и растоптал.

– Дайте нам пару минут, – произносит он с таким тоном, который обычно использует на работе, когда требует от подчиненных выполнения своих указаний. В его голосе нет ни капли тепла, только сталь и уверенность.

– Но...

Он резко оборачивается, и, видимо, что-то в его облике пугает молодую женщину в бирюзовой форме. Она гулко сглатывает и всё-таки кивает, прикрывая дверь с той стороны.

В этот момент я наконец понимаю. Между нами, мной и Богданом, уже выстроена невидимая стена, которую мне не преодолеть. Все потому что он сам построил ее.

– Ты что-то ещё хочешь сказать? – обращаюсь к нему, хотя больше всего на свете сейчас хочу, чтобы он ушел. Или чтобы все оказалось сном. Да, кошмарным сном, от которого меня бы разбудил ласковый оклик мужа, нежный поцелуй и его заверение в том, что все хорошо. Что мне нечего бояться.

Но вместо этого я вижу его неподвижную фигуру, полную решимости и осуждения. Он смотрит на меня так, будто я — причина всех его бед. Ощущение безысходности накатывает на меня волной. В этот момент я едва сдерживаясь от того, чтобы не закричать от отчаяния.

– Да, хочу, – говорит он наконец, его голос звучит резко и холодно. Он окидывает меня взглядом, полным презрения. В этом взгляде нет ни капли любви. Только недовольство. – Ты же сама понимаешь, что виновата во всем. Понимаешь же?

Киваю зачем-то. Хотя, если честно, понимаю мало что. Его слова бьют меня как нож. Каждая фраза проникает в сердце, вызывая острые колющие боли. Я не могу поверить в то, что он действительно считает меня виноватой.

– Ну вот. Если бы ты не... запустила себя, не было бы этой идиотской поездки на турбазу. И аварии не случилось бы.

Снова киваю, скорее на автомате, чем соглашаясь. А затем неверяще моргаю. Это он что, теперь вознамерился на меня вину за аварию спихнуть?

Гнев поднимается внутри меня, но я подавляю его. Сейчас не время для бурных эмоций. Да, не спорю, идея возродить былую страсть с помощью совместной вылазки на турбазу, что угасла за последние годы, была исключительно моей (и немного моих подруг). Смена обстановки, свежий воздух, мы вдвоем в маленьком домике с красивым видом на сосновый лес... Только ничего из этого не вышло. Богдан постоянно ныл, что его укусили комары и частенько отвлекался на телефонные звонки “по работе”, что впоследствии и стало причиной аварии по пути домой. В которой, к слову, значительно пострадала только я, прописавшись в больнице на долгий срок с открытым переломом ноги и черепно-мозговой травмой. Сам же супруг отделался рассеченной бровью и лёгким испугом.

Но будь даже вина на мне, разве это оправдывает его предательство?

– Именно поэтому ты решил, что сейчас самое время рассказать своей больной жене о том, что спишь с другой, – произношу я с горечью вместо Богдана, не в силах сдержать поток слов. Внутри меня бушует буря. Каждое слово словно пропитывается ненавистью к тому, что происходит.

– Да. То есть нет. То есть... Ларис, тебе обязательно все усложнять? – его голос становится прерывистым и нервным. Он явно пытается найти слова, которые могли бы смягчить удар. Но это лишь усугубляет ситуацию.

Мне кажется, будто я на краю пропасти. Все вокруг начинает расплываться, как в тумане. Не могу поверить в то, что он говорит. Я люблю его. И, несмотря на все трудности и разногласия, все равно верила в нас... Видимо, зря.

– Я просто хотел предупредить тебя, чтобы ты не... не тешила себя больше идиотским надеждами. Я люблю Лесю. У нас все серьезно. И я, разумеется, подаю на развод. Сёмке сама скажешь, он взрослый уже, все помет.

Сёма — это наш сын. Несколько лет назад он покинул родительское гнездышко, вознамерившись получать высшее образование в Питере, отдалившись от нас. И поэтому слова «подаю на развод» звучат как приговор. Они режут слух, оставляя после себя выжженную землю. Я пытаюсь представить себе лицо нашего сына. Как он воспримет эту новость? Как я могу сказать ему такое?

Выдав свою речь, Богдан было собирается покинуть палату, но я его останавливаю своим окликом.

– У меня только один вопрос. Неужели со мной тебе было так плохо все эти года?

Он замедляет шаг и оборачивается ко мне с таким выражением лица, будто я задала самый нелепый вопрос на свете.

– Ты себя-то видела? То, в кого ты превратилась, – усмехается почти уже бывший муж, брезгливо кривя губы. Его слова звучат как удар под дых, вызывая во мне глухую ярость и глубокое разочарование.

Борьба с лишним весом, вызванным нарушением гормонального фона, не первый год треплет мне нервы. Но Богдан каждый раз, видя мое отчаяние, бросался успокаивать и убеждать, что я нравлюсь ему любой. Видать, врал.

Господи, да разве можно быть настолько скользким человеком? Почему я этого не замечала? Почему?

– Пожалеешь ведь, – довольно стойко даже для самой себя заявляю я.

– Очень сильно в этом сомневаюсь, – только и бросает он мне через плечо перед тем, как скрыться за дверью.

Вздрагиваю, как молнией пришибленная. И тут же накатывают непрошеные слезы. Роняю лицо в ладони, растирая влагу по щекам. А внутри лишь одна мысль, отдающая обидой и злобой:

“Я точно заставлю его пожалеть”.

Глава 2

Страх холодными щупальцами охватывает тело. Мне очень страшно. Из-за предстоящей операции, из-за того, как я буду после нее. Этот страх смешивается с болью, выворачивающей душу. Он сжимает меня в своих ледяных объятиях, оставляя лишь смутные воспоминания о том времени, когда жизнь казалась светлой и полной надежд.

Богдан бросил меня в самый тяжелый момент моей жизни. Нашел себе помоложе и сбежал, оставив меня одну в море отчаяния.

Я видела эту Лесю. Молодая, наглая. Охотница за всем готовым. Она никогда мне не нравилась, и теперь я понимаю почему. Да и Богдан жаловался, что она туповата. Но ее попросил устроить его знакомый, и муж не смог отказать. Забавно, что туповатой во всей этой ситуации оказалась я. Искренне верящая своему мужу и в нашу любовь...

А я ведь тоже была молодой, стройной и легкой. Отдала все свои прекрасные годы мужу, мечтала вместе встретить старость и пройти жизнь рука об руку.

Да, с возрастом пропала легкость, красота стала увядать, а я так и не смогла справиться с прыгающим весом после родов. Сколько врачей прошла, на скольких диетах сидела и ничего не помогало... Теперь вот вообще из-за ноги не могла ходить, и меня списали, как брак. Ненужную вещь.

Можно было бы устроить скандал, бороться, мстить, да только сейчас у меня настолько подорвано моральное состояние, что нет никаких сил и желаний. Кроме как встать с этой кровати и ходить своими ногами. А что будет потом... Кто знает, как жизнь повернется.

– Привет, красавица, – бодро говорит Лида, моя давняя и верная подруга, стоит мне ответить на входящий.

С годами жизнь отсеивает ненужных людей, оставляя рядом с нами лишь проверенных временем. Вот и у меня было две лучших подруги. Еще в студенчестве мы по путевке поехали отдыхать на море, там и сдружились. Выходили замуж, рожали, хоронили родителей... Все — вместе.

– Привет, – произношу сдавленно.

– Так. Что с настроением? – сразу же настораживается она.

– Богдан приходил. Мы разводимся, Лид, – говорю сдавленно, и мне самой становится от себя тошно. Насколько же жалко, наверняка, звучат мои слова.

– Здравсте, приехали! – ожидаемо заводится подруга, молниеносно принимая мою сторону. Я чувствую её поддержку, но она лишь усиливает мою боль. – Он там от одиночества совсем головой поехал?

– Скорее наоборот. Влюбился он. В Лесю, – мой голос настолько сух и заунывен, что в пору волком выть. Каждое слово отзывается эхом.

– В Лесю? В эту профурсетку без мозгов? Идиот, прости господи. Все они, Лариса, кобели. Ушел и скатертью ему дорога. Эта ему быстро рога подарит и яйца скрутит.

Подруга сама воспитывала одна двоих детей, после того, как рассталась десять лет назад со своим Ваней. Любитель гулянок и с аллергией на работу, он мотал много лет нервы Лиде, пока у той не кончилось терпение. Я знаю её историю — она делилась ей не раз.

«Вот мы — дуры, женщины, ей богу, выбираем яркого, мужественного, всю жизнь стараемся соответствовать, подбадриваем его, помогаем взлететь, а нужно выбирать мягкого и теплого, чтобы он нас согрел и старался для нас», – именно так она говорила часто после развода. Окрестив всех мужчин козлами, подруга поставила крест на своей личной жизни и сосредоточилась на детях и карьере. Поэтому ее реакция была предсказуема, но от этого не менее болезненная для меня.

– Ага, – киваю потеряно, пусть подруга и не может видеть моего жеста. Ощущение, как будто я в тумане.

– Ты не вздумай реветь там, слышишь? – наставляет Лида с той настойчивостью, которая всегда была ей свойственна. – Оплакать свою “великое горе” всегда успеешь. Да и не стоит доставлять ему удовольствие выглядеть на твоём фоне победителем.

– И не думала, – говорю, а сама на секунду отвожу динамик от уха, прикрывая его и шмыгая носом. Слёзы уже давно катятся по щекам, как бы не старалась их сдерживать. И все же... я не хочу показывать подруге свою слабость.

– Ага, кому ты лечишь. Знаю я тебя, как облупленную, – без особой надежды печально усмехается подруга. – Наверняка сейчас лежишь там вся из себя несчастная и жалеешь себя.

Здесь я всё-таки не выдерживаю и всхлипываю, более не скрываясь. Отчаяние разрывает на части, и я не могу больше держать его в себе.

– Ну и дура. Что я тебе всегда говорила?

– Да помню я, помню. Просто... не могу представить даже жизнь без него. Как мне быть? – каждое слово кажется настолько тяжёлым, что отдаёт болью в висках.

– Каком кверху. У тебя проблем и без него что ли мало? Сосредоточься на них, на своем выздоровлении. Этот мусор и мизинца твоего не стоит, – Лида говорит это так уверенно, что мне становится немного легче. Но лишь немного. – А вообще, знаешь что? – продолжает она с неожиданной энергией в голосе.

– Что?

– Я сейчас наберу Мирке, и мы вместе завалимся к тебе в палату на огонёк. Насчет неприемных часов не переживай, есть у меня один знакомый в нашей больничке. Козлина редкостный, куда ж без этого, но мне не откажет. Как тебе идея?

Я вздрагиваю от неожиданности её предложения. В голове мелькает образ двух любимых подруг рядом со мной. Это могло бы стать лучиком света в этом мрачном царстве одиночества.

– Завтра операция... Врач сказал, что мне нужен покой.

– Ага, с таким настроением только вечный. Ни о чем не переживай. Жди нас. Скоро будем, – её голос звучит так уверенно и обнадеживающе, что я невольно улыбаюсь сквозь слёзы.

Глава 2.1

Спустя пару часов подруги действительно навестили меня. Я слышу, как в коридоре раздается легкий смех, и сердце мое замирает от предвкушения. Мира и Лида — две опоры в этом океане одиночества, и их присутствие всегда приносит с собой тепло. Когда они входят в палату, Мира вырывается вперед, словно ветер. Ее волосы развеваются, а на лице расцветает улыбка. Но под этой улыбкой прячется усталость — глубокие тени под глазами выдают, что она не спала всю ночь, пока муж был на работе, а она сама оставалась одна с двумя детьми.

– Привет, солнце! – произносит она с той искренней радостью, которая всегда заставляет меня чувствовать себя лучше. В руках у них пара бутылок шампанского — они предназначены для умасливания моих соседок по палате, истосковавшихся по свободной жизни. Кроме того, Мира держит мой любимый торт, а Лида тащит сеточку со злосчастными апельсинами.

– Кажется, теперь я ненавижу цитрусы, – заявляю практически с порога, и сеточка с фруктами довольно быстро оказывается выброшенной в урну.

Наблюдаю за тем, как яркие оранжевые плоды падают в мусорное ведро, словно символизируя все то, что я больше не хочу принимать в своей жизни.

Мы много беседуем на отрешенные темы, неизменно возвращаясь к главной. Шутим шутки, искренне веря в то, что это способствует продлению жизни. В какой-то момент разговор становится более серьезным, и даже слезы начинают наворачиваться на глаза. Мы сетуем на свою нелегкую женскую долю, на все те испытания, которые сваливаются на нас без предупреждения. Мира обнимает меня крепко-крепко, и я чувствую ее тепло — это как спасательный круг в этом море невзгод.

Когда глаза мои уже начинают слипаться, а соседки по палате уже мирно сопят в подушку, девчонки решают отчалить.

– Спокойно ночи тебе, дурында. И удачи завтра на операции, – говорит Лида с легкой усмешкой, но в глазах ее читается искреннее беспокойство.

– Пока. И... спасибо вам, – улыбаюсь подругам вслед, осознавая, как сильно я их люблю и как важны они для меня в этот непростой момент.

И тут Лида, будто вспомнив о чем-то, хлопает себя по лбу, замирая в дверях.

– Чуть не забыла. Это тебе.

– Что это? – спрашиваю я с любопытством и легким недоумением.

– Путевка в лучшую жизнь. Не спрашивай как я ее достала, все равно не скажу. И не вздумай отказываться. Ладно, отдыхай.

Смотрю на распечатку путевки в реабилитационный центр на юге. И засыпаю с улыбкой. Давно не видела море.

Глава 3

Операция проходит без осложнений. Во всяком случае именно так говорит мой врач. Он улыбается и рассказывает мне о том, как быстро проходит восстановление. А меня терзает не только физическая боль и последствия наркоза, но и ледяная стужа в сердце. Так одиноко становится. Так жалко себя...

– Мамуль, привет! – перекрикивая шум машин, говорит сын в трубку. – Как все прошло?

– Хорошо, – отзываюсь тихо. – Обещают, что скоро буду бегать.

– А то! – бросает он воодушевленно. – Как папа? Приходил?

Невинный вопрос ставит меня в тупик. Богдан поступил очень «по-мужски»: не только бросил меня в трудную минуту, но и взвалил на меня обязательства рассказать все сыну.

В первые секунды порываюсь высказать все Семену, раскрыть ему глаза на то, какой его любимый папочка козел, но что-то останавливает меня.

– Да, приходил. Все хорошо, сынок. Лучше расскажи, как у тебя?

– Да норм всё. Сессия скоро, зашиваюсь. Мам, точно все в порядке? У тебя голос какой-то грустный. Да и папа уже второй день трубки от меня не берет.

– Правда, Сёма, просто еще не отошла от операции. А папа работает много, ты же знаешь...

Прикусываю нижнюю губу и стараюсь выровнять дыхание. Горло сдавливает, словно в нем застрял горький ком. Даже после всего, что натворил Богдан, у меня не поворачивается язык очернить его в глазах сына.

Я очень боюсь реакции Семёна, что это сломает его. Он бросит университет и прилетит сюда. Что он не простит отца и, чего доброго, их конфликт дойдет до трагедии.

– Лучше бы к тебе чаще приезжал, никуда его работа не денется, – ворчит недовольно сын.

Я перевожу тему на его жизнь, и очень скоро мы прощаемся. Сжимая в руке телефон, смотрю на стену напротив. Когда-то же он все равно все узнает... Вот пусть Богдан и сделает это. Хватило же у него наглости и смелости явится ко мне в больницу и вывалить свое счастье. И для сына найдутся время и нужные слова.

Меня выписывают из больницы уже через неделю, а я почему-то не решаюсь сообщить об этом подругам. В душе полнейший беспорядок. Домой ехать не хочется. Страшно. И я даже не знаю, чего боюсь больше: увидеть пустующую жилплощадь, стены которой хранят слишком много воспоминаний или столкнуться там лицом к лицу со сладкой парочкой в виде моего мужа и его секретарши. Кто же знает, на сколько дней они улетели. С того дня Богдан больше никак не давал о себе знать.

Стою, опираясь на костыль, под козырьком входа в стационар и просто бессмысленно всматриваюсь в серые тучи над головой.

“Будет дождь”, – мелькает мысль, и я всё-таки решаю вызвать такси до дома.

В квартиру вхожу с опаской. Благо попался хороший водитель и помог занести мои вещи. Звук открывшейся двери эхом разносится по пустой квартире. Так странно. Раньше она была наполнена нашим теплом, любовью, здесь было так уютно... А теперь меня морозит, и стены словно душат.

Часть вещей Богдана отсутствует, он явно собирался в спешке. На кровати валяются его рубашки, которые я гладила и бережно развешивали в шкафу на плечики.

В раковине — две грязные чашки после кофе. На одно из них яркий след от красной губной помады. Не задумываясь, выбрасываю эту кружку в мусорку. Становится мерзко. Где она сидела? Каких вещей касалась? Трогала ли мои? Спала ли на нашей кровати?..

Это настолько подло, гадко, будто Богдану было мало растоптать меня в палате, он и в наше семейное гнездо привел эту шалаву. Не стесняясь меня, соседей, не имея уважения к нашему дому.

Не выдерживаю этого ужаса и набираю Лиде.

– Ты можешь ко мне приехать? – спрашиваю без приветствий.

– Ты в больнице? – настораживается она.

– Нет, уже дома. И он приводил ее сюда. Я спать не смогу на этой кровати, не сменив белье. Мне вообще хочется все здесь вымыть с хлором, но только одна не смогу...

– Во-первых, какого, блин, рожна ты, Лариска, не сказала, что тебя выписывают? Я бы встретила тебя. А во-вторых... Скотобаза он. Сейчас отпрошусь и примчу. По пути куплю перчатки и “Доместос”. Будем дезинфицировать после голубков.

– Спасибо, – искренне благодарю ее.

Лидия приезжает через два часа. За это время я успеваю разобрать свою сумку и зарядить стирку.

Заказав продукты, готовлю ужин. Нога гудит, голова раскалывается. Мне покой был прописан...

– Клининг вызывали? – широко улыбаясь, трясет увесистым пакетом Лида.

Не могу сдержать радостной улыбки. Усадив меня на диван, она не позволяет мне участвовать в процессе. Лишь смешно комментирует свои действия, проводя генеральную уборку в моей квартире.

– Ты, Лариса, балда, нашла из-за кого убиваться. Он же почему орел? Да потому что ты всю жизнь рядом, кормила вкусно, дом в порядке поддерживала, его обхаживала, еще и ребенка воспитывала и работать успевала. А сейчас он на сухой паек сядет. Ему твои борщи и глаженные рубашки еще сниться будут. Нынешнее поколение как рассуждает? Зачем готовить, печь, солить? Все купить можно. У них посуду машины моют. Им даже краситься лень, вот они себе ресницы, волосы лепят. Ничего-ничего, выдоит она твоего козла... – причитает подруга активно орудуя шваброй.

– Лид, я же его люблю... при чем здесь рубашки, да борщи? Мне плохо без него, но и простить такое не смогу, как бы тяжело ни было. Это тебя Ванька довел, ты быстро его в закат отправила, а у нас нормально всё было. Ссорились, конечно, проблемы были, но чтоб вот так все закончилось...

Подруга тяжело вздыхает и садится на диван рядом со мной, опираясь на швабру. В глазах ее мелькает тоска.

– Да ни черта не легко было, Ларис. Это я при вас все хорохорилась. Я же сильная, мне не положено раскисать. Сколько ночей я рыдала, как жалела... Одной-то тяжело. Порой быть от одиночества хочется, но как вспомню свою семейную жизнь, так передергивает. Лежал он вечно на диване, ни с ребенком помочь, ни гвоздя прибить. Мороз, у меня температура, а я тащу Аньку в сад. Отведу ее, смотрю, как другие отцы своих с утра ведут, зайду за угол и реву. А как денег у нас вечно не было... Вы с Миркой тогда на Новый год платье мое нахваливали, расспрашивали, где купила. А мне стыдно было рассказать. В секонд-хэнде, Ларис, прикинь? Отстирала, выгладила, под себя подогнала и пришла... Вечно ни косметики нормальной — ничего. И что, так лучше? Зато замужем. Тьфу на них. Паразиты. Все бы они вымерли давно без нас, – бросает она в сердцах поднимаясь и продолжая мыть пол.

Глаза ее блестят от слез, но Лида упорно прячет от меня лицо. Не выдерживаю, кое-как поднимаюсь, игнорируя ноющую боль в ноге, и, подойдя, обнимаю свою любимую подругу. Худенькую, как воробушек, но сильную духом. Она замирает, а после обернувшись, сжимает крепко меня в своих объятиях.

– Прорвемся, слышишь? – горячо шепчет она мне, не сдерживая слез. – Вытащим себя за волосы из болота. Я всегда рядом. И больше не смей одна справляться со своими трудностями.

Вон, Мирка, замкнулась, а ведь у нее тоже жопа в жизни. А надо вместе. Пусть бывшие локти кусают, каких женщин шикарных потеряли, ясно?

– Ясно, – шмыгаю носом, – Только чего он кусать будет, когда я хромая и толстая...

– Ты шикарная. А нога заживет. Сейчас в санаторий сгоняешь и расцветешь. Кстати, – отстраняется она улыбаясь сквозь слезы, – никто не отменял курортные романы.

– Лидка, – смеюсь я, вытирая щеки, – Ну ты как скажешь!

Не удержавшись хохочем с ней, фантазируя на тему того, как я буду танцевать, поражая своей грациозностью кавалеров.

Неделя до поездки дома пролетает легко в компании подруги, которая каждый день прибегает ко мне после работы. Да и Мира звонит по вечерам, подбадривая меня.

Только весь мой позитивный настрой летит к чертям, когда в день моего отъезда возвращается Богдан...

Глава 4

Хлопает входная дверь, а я так и замираю с платьем над чемоданом. Сердце пропускает удар. Ни у кого, кроме сына и Богдана больше нет ключей от нашей квартиры. Семен бы точно не приехал, а значит...

– О! Ты уже дома? – спрашивает муж, заходя в спальную и вертя на пальцах ключи от своей машины.

Загорелый, глаза светятся от счастья. Верхние пуговицы рубашки небрежно расстегнуты, волосы его слегка растрепаны. Он выглядит так, словно вернулся с какого-то праздника, полного смеха и веселья, где его никто не тревожил. Но мне не до радости. Я чувствую, как комок в горле мешает мне говорить. И вместо этого просто пропускаю его фразу мимо ушей и продолжаю складывать вещи в чемодан, игнорируя его присутствие.

– Ты оглохла или в молчанку играешь? – хмыкает он и качает головой, наблюдая за мной с той самой усмешкой, которая всегда выводила меня из себя.

– Не вижу смысла отвечать на глупый вопрос, – пожимаю плечами, делая вид, что сосредоточена на своих действиях.

– А ты значит, умная? Ну, да, ну, да... Как прошла операция? – бросая ключи на тумбочку, садится на свободный от завалов вещей край кровати.

Он слишком близко, и его присутствие становится уже невозможным игнорировать. Ещё и нога вдруг начинает отдавать тупой болью на месте шва.

– Очень своевременный вопрос. Какая тебе разница, Богдан? – вздыхаю устало и перевожу на него взгляд.

Черты лица такие знакомые, но сейчас такие чужие... В них больше нет той нежности, что когда-то меня согревала.

– Что ж я не могу поинтересоваться здоровьем своей бывшей? Я, вот, приехал в хорошем настроении. Тебе обязательно мне его портить?

Его слова звучат как плевок в лицо. Я хочу закричать ему о том, что он не имеет права так говорить. Что он сам разрушил всё то хорошее, что у нас было. Но вместо этого просто пожимаю плечами.

– Не поверишь, но до твоего появления и у меня было хорошее настроение.

Он поднимает брови в удивлении, как будто не может поверить в то, что я способна испытать что-то хорошее без него. Это его реакция только подливает масла в огонь.

– А у тебя всегда из-за меня настроение портится. Вот как домой прихожу, вечно лицо кислое и недовольное. Ничто неизменно, да, Ларис?

– У меня разное было настроение, – внутри закипает гнев, но я стараюсь его скрыть, не желая показывать уязвимость. – Да и какая уже разница? Я тебе, Богдан, не изменяла и не бросала в больнице перед операцией, так что скажи спасибо, что вообще по морде чем-нибудь не огрела.

– А ты попробуй, – говорит холодно, а в глазах вызов. Мол, осмелюсь или нет?

Смотрю на него в гневе, не в силах больше скрывать эту эмоцию. Вот за что он так со мной? Был недоволен семейной жизнью? Так всегда же можно было это обсудить, вместо того, чтобы устраивать скандалы или, вот, как сейчас...

В комнате стоит напряжение, словно воздух стал слишком густым для дыхания. Я чувствую себя как в ловушке: с одной стороны — боль от предательства и обиды. С другой — страх остаться одной. Каждый взгляд мужа словно проникает в самую душу и вытаскивает на поверхность все те чувства, которые я пыталась загнать обратно.

– Богдан, уходи отсюда, пожалуйста, – произношу, стараясь сделать голос как можно спокойнее, хотя внутри меня бушует настоящая буря.

– С чего бы вдруг? Это и мой дом тоже, – отвечает он с насмешкой, его тон полон пренебрежения. Я вижу, как его губы искривляются в ухмылке, а глаза сверкают, словно он наслаждается этим противостоянием.

Словно это не наша квартира, а арена, где мы оба сражаемся за право на существование.

– Твой, – не спорю, и груди от этого словно распускается ядовитый цветок. – Но на него мы имеем равные права. И ремонт делали в складчину. И прочие потребности закрывали с дохода, который оба приносили в семью... – зачем-то пытаюсь напомнить ему о том, что мы когда-то были не просто семьей, но и командой, но Богдан лишь отмахивается от моих слов.

– Ой, да что ты мне лечишь. Работала за сущие копейки в своей конторке в подвале, теперь кичишься. Равные права, блин, – его голос становится резким, отчего по спине пробегает холодок.

Это не просто упреки. Они словно вырывают из меня все то хорошее, что я пыталась сохранить.

– Я не понимаю, ты что, теперь решил и квартиру у меня отобрать? – спрашиваю с легким недоумением.

Как он может так говорить? Как будто все эти годы совместной жизни и борьбы за наше будущее ничего не значили.

Богдан смеряет меня насмешливым и каким-то злым взором. А следом усмехается.

– Чтобы ты потом своим подругам в уши лила, какой я мудака, оставил свою жену-инвалидку без дома и крова? – он произносит это так легко, словно говорит о чем-то совершенно незначительном. – Не дожدهшься. Мы с Леськой здесь жить не будем. Ей тут не нравится. Снимем апартаменты в центре.

– А что так? Неужто цвет обоев не устроил? – отвечаю я с сарказмом, внутри все кипит. – Мне без разницы, где ты будешь с ней жить, хоть на Луне.

– Ремонт старперский. Я же тебе всегда говорил, что у тебя нет вкуса, – бросает он с презрением и поднимает брови, как будто это единственное оправдание для его поступков.

– Ммм, – выдаю с притворным пониманием. Отчасти он прав, раз уж меня угораздило прожить столько лет с таким неблагодарным человеком. Оказывается — все дело в отсутствии вкуса.

– Ты вообще не большого ума. Жила с шикарным мужиком, как у Христа за пазухой. Все имела. Нет же, поперлась работать. Нет, чтобы меня дома с котлетами ждать, сидела на одном месте и отращивала его. Леська вон, сразу сказала, что работать не будет. Всю жизнь свою мне посвятит.

– Да, действительно, дура, раз с таким козлом связалась и подарила ему сына и лучшие свои годы, – киваю, часто моргая от горечи и злости.

– Если это были лучшие, то что с тобой будет дальше? – его голос полон сарказма и злобы. Он явно наслаждается этим разговором.

– Пошел вон! – кричу я наконец, ощущая прилив адреналина. – Я не собираюсь слушать твои оскорбления. Сам-то ты “шикарный” мужик, забыл, как год без работы сидел на моей шее? И я ни разу тебя не попрекнула за это, – чувствую, как слезы наворачиваются на глаза от обиды.

За все годы не было момента, чтобы я его не поддержала! А он... поступил как трус и предатель!

Смотрю на него с ненавистью и болью. В этом взгляде — вся моя жизнь: мечты о счастье и любви разбиты вдребезги.

– И где была твоя любвеобильность раньше? Что-то вечно усталый с работы приходил, по месяцу к жене не подходил, теперь-то мне понятно, почему. Поэтому сбой гормональный у меня и пошел вместе с весом вверх. За все годы, не было момента, чтобы я тебя не поддержала, а ты поступил, как трус и предатель. Иди к своей Лесе, пока деньги есть и стоит, она будет тебя

облизывать, а как что-то из этого исчезнет, поменяет тебя на более перспективного и молодого, – вырывается из меня последний укол.

Каждое слово словно выстрел — я хочу поразить его в самое сердце так же сильно, как он поразил меня своим предательством.

– Я и в семьдесят себе девку молодую найду, а вот ты, Лариса, побегай еще, поищи, кому нужно такое сокровище. Припомнила мне год без работы, а то что я потом стал зарабатывать хорошо, забыла? – его голос звучит как холодный металл, резкий и беспощадный. А слова проникают в меня, словно острые иглы, заставляя сердце сжиматься от боли.

Он стоит передо мной, с высоко поднятой головой и презрительной усмешкой на губах, и кажется, что ему абсолютно все равно на то, что я чувствую.

– На эти бабки мы купили квартиру и стали жить, как люди. Про секс вспомнила. Да ты себя видела? Ты же в платье свадебное при всем желании не влезешь. А я мужик, я глазами хочу. Что ж мне, виагру надо было пачками пить, чтобы у нас чаще было? Могла бы сама постараться. Есть разные способы мужчину возбудить и удовлетворить, а не только, как монашка под одеялом ждать. Молчу уже про то, чтобы попробовать в каких-то других местах, помимо спальни, исполнить супружеский долг, – говорит это с таким легким презрением, будто я должна была знать все тонкости его желаний.

– Ну, извини, я по другому воспитана, не могу я в примерочной или на людях себя вести, как... не пойми кто. Ты сам-то, что для того, чтобы меня раскрепостить сделал? Ты у меня первый и единственный. Не тренировалась, как твоя Леся на араве мужиков, – мой голос дрожит от эмоций.

– Так посмотрела бы порно, у подружек своих поспрашивала. Хотя эти чему научат? Две фригидные.

– За годы брака, Богдан, ты ничего, кроме комплексов мне не привил. Да и поздно как-то состоялся этот разговор. Все в прошлом, – произношу это с горечью.

– Зато хоть поговорили откровенно... – он начинает говорить с нотками самодовольства в голосе, но тут его телефон звонит.

Лицо Богдана меняется. Он будто становится другим человеком, словно переключается на другую волну.

– Да, Лесенок? Уже выхожу. Да, она дома. Нет. Сиди в машине, – голос его звучит мягче. А меня охватывает волной ненависти к этому существу, которое забрало у меня мужа и теперь требует его внимания.

Захлопываю чемодан с таким гневом, что он подскакивает на месте. Закрываю его с силой и качу в коридор. Хочется поскорее оказаться подальше от бывшего.

Богдан не следует за мной, остается в комнате, скорее всего забирая какие-то вещи из шкафа.

Я спускаюсь вниз по лестнице с тяжелым сердцем и вызываю такси. У подъезда припаркован внедорожник мужа, на переднем сидении восседает Леся. Заметив меня, она резво вылезает из машины и поправляет короткую юбку, цокая на высоченных каблуках. Лакированные ботиночки, розового цвета короткая шубка и платье в пайетках, которое сверкает на солнце так же ярко, как ее улыбка — искусственная и бездушная. Это у меня нет вкуса?..

– Лариса Ивановна, – расплывается она в ещё более широкой улыбке, намеренно называя меня по имени отчеству. Ей богу, выглядит, как акула. Ещё чуть-чуть и, кажется, будто ее лицо схватит судорогой от натуги. Видать, с филлерами переборщила. – Какой стильный костыль. Вам очень идет, – ее слова звучат как капли яда, которые медленно проникают в мое сознание.

Не считаю нужным что-либо отвечать. Просто спокойно и без сожаления, от души, прикладываю этим самым стильным костылем эту мартышку.

Глава 5

Уже в находясь в такси, мысленно подгоняю водителя, зачем-то оглядываясь назад, на следующий за нами поток машин. До сих пор неловко за свое поведение. Но иначе поступить не могла, да и эта Лесенька сама напросилась. Заслужила.

Не выдерживаю внутреннего напряжения и набираю Лиде, уж она-то точно поддержит.

– Ты уже в аэропорту? – нараспев произносит она, явно улыбаясь. Даже через телефон ощущаю, как её хорошее настроение проникает в меня, несмотря на всю эту безумную ситуацию.

– Лида, я ее ударила. Раза два. Может и три, я не помню... – голос мой падает до шепота, когда я кошусь на водителя, которого, кажется, и не интересует моя личная жизнь. Его внимание сосредоточено на дороге.

– Не рассказывай дальше, для следствия будет лучше, чтобы я не знала подробностей, – смеется подруга, совершенно не понимая всей серьезности ситуации. – Тело прятать надо? – добавляет она с легким сарказмом.

– Я не шучу, Лида, – возмущаюсь в ответ. – Пришел Богдан, устроил скандал. Я хотела уехать, но внизу его ждала Леся и я, видимо еще под впечатлением после разговора с ним, не сдержалась на ее хамство. Ударила эту Лесю костылем... – лицо обдаёт жаром. – С ней все в порядке. Надеюсь. Во всяком случае, кричала и материлась на всю улицу она с задором да и ноги-руки целы.

– Ай, молодца, Лариска! Вот уважаю тебя. Не терпела, не ныла, а показала этой тупоголовой, какие бывают последствия, когда чужого мужика из семьи уводишь. И не вздумай себя корить или переживать — это она должна была думать, прежде чем свою рогатку...

– Да поняла я, – вздыхая перебиваю ее. – Просто волнуюсь. Что если она пойдет в полицию или Богдан решит мне отомстить?

– Ой, я тебя умоляю, в какую полицию? Упала она на своих ходулях. Свидетели были?

– Да не знаю я, у меня состояние аффекта было, – шепчу растерянно.

– Тем более, любой суд будет на твоей стороне, у тебя и справка из больницы есть, между прочим.

– Дурдом какой-то, – провожу холодной ладонью по горячим щекам.

– Все выдыхай и лети на море, здесь как раз страсти поутихнут.

– А вдруг Богдан что-то с квартирой без меня сделает? Или замки сменит? – говорю с волнением.

– Да и фиг с ним. Засудишь козла за порчу имущества, еще и компенсацию заплатит. Уж такое-то состоянием аффекта не оправдать. А замки как сменит, так и обратно их поменять можно, ты ведь тоже собственник. Не грей себе голову.

Склоняю голову, пытаюсь собрать мысли воедино.

– Ладно, это я от неожиданности нагоняю страху. Не думала, что так получится.

– Что не делается — все к лучшему! Точно ногу ей не сломала? Может все же удалось?

На мгновение замираю от её слов, а после смеюсь сквозь слёзы.

– Лида!

– А что? Я бы многое отдала, чтобы на это посмотреть. Ты, Ларис, в следующий раз меня позови, пожалуйста, мы все же подружки.

– Надеюсь такое больше не повторится, – ворчу я в ответ, и на сердце становится немного легче.

Договорив в подругой, отписываюсь Мирке и Семёну, а следом выключаю телефон от греха подальше.

Перелет проходит спокойно. Сажу в самолете, глядя в окно на медленно проплывающие облака. Сердце бьётся, как бешеное.

Впереди меня ждет новая жизнь, хотя мысль о предстоящем отпуске в санатории не может заглушить ту боль, что застряла в груди.

«Как же так вышло?» — думаю я, вспоминая недавние события. Авария, предательство мужа, стычка с его любовницей и перспектива навсегда остаться в одиночестве... Эти слова преследуют меня, как тени.

Когда самолет наконец приземляется, я выхожу на свежий воздух и чувствую, как теплый морской бриз обнимает меня. Вдыхаю полной грудью, наполняя легкие ароматом соли и хвои. Вокруг раскинулись горы, покрытые зелеными лесами, а внизу, словно в сказке, мерцает синее море. Это место похоже на рай. И именно здесь мне нужно попытаться найти утешение.

После того как я распаковываю вещи и немного отдыхаю, решаю выбраться на прогулку. Направляюсь к набережной, ощущая, как легкий ветерок играет с моими волосами. По пути я наслаждаюсь каждым мгновением: смех детей, играющих на пляже, пары, гуляющие под руку, и пожилые люди, сидящие на лавочках и обсуждающие что-то важное.

На набережной царит атмосфера радости и любви. Я невольно наблюдаю за парочками, и мое сердце сжимается от горечи.

«Почему я не могу быть такой же счастливой?» — снова и снова звучит в моей голове.

Останавливаюсь у края набережной, занимая свободную скамейку, и смотрю на горизонт, где море встречается с небом. Вода переливается всеми оттенками синего и зеленого, но даже это великолепие не может заполнить пустоту внутри меня.

В этот момент ко мне подходит статный мужчина. Я заметила его куда раньше, но не никак не думала, что подойдет именно к моей скромной персоне с костылем в компании.

— Здесь не занято? — улыбаясь, спрашивает он, а я внезапно теряюсь, не зная, что и ответить.

Глава 6

– Нет, конечно, присаживайтесь, – наконец, нахожу в себе силы произнести.

Он садится рядом. Между нами возникает несколько мгновений молчания, когда шум моря перекрывает все другие звуки. Я чувствую его заинтересованный взгляд на себе, но стойко игнорирую его.

– Меня зовут Александр, – говорит он. – А как вас?

– Я... Лариса, – отвечаю ровно.

– Впервые на море? – спрашивает он с интересом.

– Нет, – произношу с легкой улыбкой. – Я приезжала сюда раньше.

Мне странно говорить с совершенно незнакомым человеком, но его присутствие не отталкивает. Напротив, рядом с ним как-то... комфортно.

– А что привело вас сейчас? – дальше расспрашивает Александр.

Он поворачивается ко мне и склоняет голову. Его выразительные голубые глаза, глубокие и внимательные, словно проникают в самую суть моих переживаний. Он одет в светлую рубашку и стильные брюки, его гардероб подчеркивает его чувство стиля. Высокий, с широкими плечами и плавными движениями, он вызывает ощущение уверенности просто своим присутствием. Однако в его манере общения нет ничего навязчивого.

– Нужно было сменить обстановку, – признаюсь, стараясь избегать деталей.

Он кивает. В его взгляде читается понимание.

– Здесь действительно можно найти уединение. В такие моменты кажется, что природа способна исцелить раны, – в задумчивости произносит Александр, глядя на морские волны.

– Да, возможно, – отвечаю тихо. – В этом месте можно по-настоящему расслабиться.

– Знаете, – продолжает он, – я тоже приехал сюда, чтобы отвлечься от своих мыслей. Порой жизнь заставляет нас пересматривать свои приоритеты.

Я чувствую, что в какой-то степени мы на одной волне. Наверное, поэтому решаю открыться немного больше, чем планировала.

– У меня были непростые времена, – говорю негромко. – Сначала авария, а после измена мужа. Он сообщил мне о своем уходе прямо в больничной палате, за день до операции.

Он слушает меня, не перебивая, и я замечаю, как его лицо становится серьезным.

– Это очень тяжело, – с сочувствием произносит Александр. – Но вы не одна. Наверняка у вас есть близкие люди, готовые оказать поддержку.

Странно, но мне становится легче от его пронизательных слов. Может, именно в этом и есть смысл этой поездки — встретить человека, который тебя поймет.

– Да, – киваю с легкой улыбкой, вспоминая сына и подруг. – И все же так сложно сделать первый шаг в новую жизнь.

– Он всегда самый трудный, но иногда он открывает двери, о которых даже не догадывался, – вздыхает Александр.

Вновь улыбаюсь, и в этот момент наши взгляды пересекаются. Его светлые глаза, углубления на скулах и лёгкая щетина создают мужественный образ. Я даже как-то теряюсь. А следом и вовсе от неловкости разрываю зрительный контакт. Наверное я очень жалко выгляжу, вот он и подсел поддержать бедняжку.

– Возможно. Но я просто очень долго жила в этом браке. И после столь длительных отношений очень сложно быстро переключиться на что-то новое.

Александр слегка откидывается на спинку скамейки, его поза становится непринужденной. Это будто означает, что он готов слушать.

– Я ни раз пыталась наладить наш брак, все думала, что проблема во мне. В моем весе, поступках и с каждым разом только запутывалась сильнее. А ответ был так прост... Муж захо-

тел молодого тела и сразу же перечеркнул все хорошее между нами, – продолжаю я, каждое даётся с трудом.

Александр задумчиво смотрит на море, где волны накатываются на берег с шелестом прибоя. Затем возвращает взгляд ко мне:

– Развод никогда не проходит легко.

– А вы? Что вас привело сюда? – спонтанно спрашиваю, любопытство побеждает смущение.

Он глубоко вздыхает и делает паузу, как будто решает, как много из своих переживаний он хочет мне открыть.

– У всех нас есть свои беды, – говорит Александр наконец. – Иногда нужно просто бежать от всего, чтобы найти себя. Я потерял близкого человека и, кажется, не понимаю, как теперь жить дальше.

В голосе мужчины слышится горечь, и это вновь создает ту связь между нами, объединяя нашу боль. Мы словно оба пришли сюда в поисках утешения и понимания.

– Простите, я не хотела расспрашивать, – произношу скомкано, испытывая неловкость за свой вопрос.

Александр улыбается с лёгкой печалью.

– Вам не нужно извиняться, Лариса, – говорит он, и его голос звучит тепло. – Очень важно позволять себе иногда быть уязвимыми. Это не слабость, а скорее необходимость.

С этими словами я вновь вспоминаю о своем костыле, который покоится рядом. Чувствую его вес на своем бедре. Хромота и ощущение немощности мучают меня. Неловкость возвращается, и в голове закрадывается мысль: «Почему он тратит время на такую, как я?»

– Я стараюсь. Но порой чувствую себя так... непривлекательно, – произношу, и на миг мне становится страшно. Я не хочу показаться ему жалкой.

Губы Александра трогает легкая улыбка, а глаза его наполнены добротой.

– Напрасно. Вы очень красивая женщина, Лариса, – и произносит он это не как комплимент, а как констатацию факта.

Я не ожидала услышать такие слова от незнакомца, тем более в такой непринужденной обстановке. Больше всего меня трогает простота его искренности.

– Спасибо, – отвечаю, покраснев от этого комплимента. – Мне нужно идти, – произношу, хотя не хочу. В мыслях крутятся вопросы о том, когда и где я снова встречу этого человека, способного понять страдания другого.

Он кидает на меня колеблющийся взгляд, а затем мягко отвечает:

– Да, конечно. Надеюсь, я не сильно вас утомил.

– Вовсе нет. До свидания.

Встаю со скамейки, и с каждой секундой с каждым шагом к своему номеру чувство одиночества закрадывается в мою душу. Я хромаю, опираясь на костыль и сгорая от стыда. Мне неловко, я хочу быстро уйти, чтобы не показать Александру свое увечье.

Когда я почти скрываюсь из вида, Александр зовёт меня:

– Лариса!

Оборачиваюсь, ощущая взглядом его лицо. Мужчина поднялся с места и поспешил мне навстречу. Я в замешательстве стою на месте, сердце стучит в груди, а руки сжаты на костыле.

– Вы не хотите обменяться телефонами? – спрашивает он.

Почему я промедлила? Почему не говорю, что была бы рада снова его увидеть?

– Мне кажется, это не самая лучшая идея, – скомкано бормочу в ответ.

Александр не настаивает, но его печаль в глазах говорит больше, чем слова.

– Конечно, вы правы. Приятного вечера.

– И вам...

Глава 7

Стоит лишь переступить порог номера, как на меня накатывает волна усталости. А вместе с ней и чувство одиночества. Я словно переступаю порог между двумя мирами: одним, где все еще жила надежда, и другим — полным болезненных воспоминаний.

Присаживаюсь на край кровати, и целый поток эмоций обрушивается на меня. Пытаюсь отбросить плохие мысли, призвать себя к порядку, но они рвутся на свободу, минуя любые преграды. Каждая из них острее предыдущей и обжигает меня, как раскаленное железо.

Взгляд цепляется за мое отражение в зеркале, и мне становится еще более тошно. Несчастливая женщина, с потухшим взглядом, лишним весом и бледным лицом. Я уже не та, какой была раньше. В прошлом осталась улыбчивая, оптимистичная и стройная Лариса. Еще и эта авария надломила меня...

Да и Богдан был другим. Заботливым, чутким и любящим. Это теперь его глаза, вместо того чтобы светиться теплом, стали холодными, как лед. Он просто разлюбил меня. Потерял интерес ко всему, что нас связывало.

— Почему? — шепчу я, и мои губы подрагивают от горечи. — В какой момент я стала ему безразлична?

Скорее всего в тот, когда Леся появилась в его офисе. Или между его ног... Вот так. Он легко променял семью на...

Эта мысль сводит меня с ума — как так можно? Как он мог предать ту, кто поддерживала его во всем? Родила ему сына. Да если бы это с ним случилась беда, я бы от его кровати не отходила...

Моя душа разрывается от боли, и вместе с тем меня захлестывает злостью на него и на саму себя за то, что до сих пор это всё принимаю слишком близко к сердцу.

Опускаю лицо в ладони. Слезы текут по щекам. Кажется этот поток никогда не остановится. Мне так одиноко, я чувствую себя брошенной и ненужной.

Паника начинает закрадываться в сердце, словно потоки холодного воздуха. Внутри возникает непреодолимое желание крикнуть. Но единственное, что вырывается из горла — это всхлипы.

Пытаюсь гнать от себя это чувство. Хочу переключиться. Пытаюсь вспомнить что-то хорошее. Но все это кажется таким далеким, как сны, которые забываются едва ли не с пробуждением.

Забираюсь под одеяло, стараюсь найти тепло, чтобы как-то разогнать ледяные мурашки, но ничего не приносит облегчения. Злюсь еще сильнее. Не достоин Богдан того, чтобы я так страдала. Не заслуживает этого.

Постепенно, устав от борьбы с собой, я погружаюсь в сон. Но даже там мучают кошмары.

Утро встречает меня ярким светом, пробивающимся сквозь занавески. Я медленно открываю глаза и ощущаю, как в голове зудит от мыслей. Хочу вычеркнуть из памяти все то, что со мной произошло. Сбросить с себя тяжесть. Так больше продолжаться не может. Сколько угодно можно посыпать голову пеплом, но успокоения это не принесет.

С трудом поднимаюсь с кровати и хожу по комнате, прислушиваясь к тишине, которая, как ни странно, сейчас кажется мне успокаивающей. Я больше не чувствую страха и подавленности. Вместо этого во мне зажигается желание: хочу начать всё с чистого листа.

Завтракаю и отправляюсь на процедуры. Через боль тренирую ногу. Я буду ходить без хромоты. После — ищу различные диеты на просторах интернета и решаю бороться с лишним весом по всем фронтам.

К вечеру я ужасно уставшая, но до безумия довольная собой, раздумываю о том, в чем пойти на ужин. Больше не буду сидеть в номере и жалеть себя. Хватит.

Хочу отправиться в ресторан. Тем более там я могу увидеть вновь Александра. Мысли о нашем первом разговоре не покидают меня. Мне было приятно делиться с ним своими переживаниями и получать от него поддержку.

Я достаю из шкафа лёгкое летящее платье, которое долго пылилось на полке. Когда надеваю его, оно словно обнимает меня, скрывая недостатки фигуры и придавая уверенности в каждом моем движении. Делаю легкий макияж, а волосы укладываю волнами.

Смотрю в зеркало и наконец вижу, что мои глаза сияют. Это не та женщина, которую бросил Богдан. Это новая я. Сильная и свободная.

Стараюсь гнать от себя мысли о своей хромоте и костыле. Улыбаясь уверенно открываю двери ресторана, и меня встречает мягкий свет и уютная атмосфера. Зал наполнен шепотом разговоров и нежной мелодией, которая льется из колонок.

Заняв место за столиком у окна, я смотрю на море, где солнце медленно опускается за горизонт, оставляя за собой яркие краски заката. Официант приветливо улыбается, и я делаю заказ: легкий салат, рыбу на гриле и бокал белого вина.

Пока ожидаю свои блюда, достаю из сумочки свой телефон и включаю его. В уведомлениях сообщения о том, что раз десять звонил сын.

«Он переживает. Неужели все узнал», — мелькает мысль.

Стараясь не предаваться страху, набираю его номер. С каждым гудком мое сердце стучит быстрее.

– Мам, ты где? – встревоженно бросает Семен.

– На море. Я же писала тебе сообщение, что Лида мне путевку подарила, – стараюсь говорить спокойно, хоть внутри всё натянуто от волнения. – У тебя всё в порядке?

– Да, не уходи от темы, – отвечает он резко. – Ты не звонила. Отец тоже трубки не брал. Я думал, с ума сойду от беспокойства.

– Со мной всё нормально, я тебя очень люблю, – пытаюсь успокоить его. – Просто у меня был... сложный перелет.

– И долго еще мне врать будете? – спрашивает он недовольно.

– Сём, я просто не готова пока это обсуждать... Но я справлюсь, – произношу как можно увереннее.

Сын молчит, и я понимаю, что он прислушивается, пытаюсь уловить мое настроение.

– Мам, возвращайся домой. Я жду тебя, – говорит он спокойно.

Сердце сжимается. Он все знает. Он прилетел домой...

– Я скоро приеду. Всё будет хорошо, я обещаю, – мне страшно спрашивать у него какие-либо подробности.

Сема тяжело вздыхает.

– Я тебя жду и очень люблю, мам. Береги себя.

У меня на глазах слезы наворачиваются. Но я держусь. Сбрасываю вызов и как раз в этот момент официант приносит мой заказ.

Ощущая легкую дрожь в руках после тяжёлого разговора. Осторожно убираю телефон обратно в сумочку. Взгляд невольно скользит по салату, который лежит передо мной, но аппетит куда-то пропадает. «Неужели он действительно приехал из-за нашего развода с его отцом? И что ему в итоге сказал Богдан?» — эти мысли крутятся в голове, мешая сосредоточиться на еде.

Стараясь отвлечься, беру бокал с соком и делаю небольшой глоток. Холодный напиток немного успокаивает нервы.

Вдруг дверь ресторана открывается, и внутрь входят несколько человек. Среди них я замечаю Александра. Его высокий силуэт выделяется среди остальных гостей. Он оглядывается вокруг, будто ищет кого-то, и наши взгляды пересекаются. На его лице появляется теп-

лая улыбка, когда он замечает меня. Мое сердце начинает бешено колотиться, а по всему телу отчего-то пробегает волна радости и волнения.

Глава 8 Богдан

В очередной раз бросаю недовольный взгляд на свой мобильный, который беспрерывно вибрирует на приборной панели. Сын... Всего-то и нужно принять вызов и сказать ему о том, что решил для себя давно, но отчего-то оттягиваю этот момент.

Легко уходить, когда ребенок еще мало что понимает и не задает неудобных вопросов, когда ты можешь ему рассказать свою правду, и он в нее поверит. А сейчас — совершенно иное. Оправдываться перед взрослым сыном... Там не хватит общих фраз и мороженого с каруселями на выходных.

— Заюш, — канючит рядом Леся, которую тоже уже порядком достал звук вибрации, — ну, возьми ты трубку. Скажи ему все, как есть. Он поймет. Он же любит тебя и тоже мужчина.

В задумчивости смотрю на стоящий колом поток машин перед нами. Барабаню пальцами по рулю. Олеська лезет туда, в чем ни черта не понимает.

— И Расскажи ему, какая неадекватная его мамочка, — продолжает она. — Как чуть не убила меня.

При этом она всхлипывает и потирает ушибленное бедро. Вот чего я, конечно, не ожидал от Ларисы, так это подобного поступка. Злиться на меня, а ударить ни в чем не виноватую девушку. Со спины. Неужели так сильно обиделась и ревновала?

— Зачем я буду ему это рассказывать? — произношу, стараясь сдержать эмоции.

Леся обиженно поджимает губы, в её взгляде — ни капли понимания.

Её поддержка начинает меня угнетать. Она не знает, что значит быть отцом и нести ответственность перед своим сыном.

Я глубоко вздыхаю, пытаюсь собраться с мыслями. Мобильник снова вибрирует, словно напоминая о том, что откладывать разговор больше нельзя. Медленно тянусь к телефону, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Но, прежде чем поднять трубку, обращаюсь к Лесе:

— Ты права, наверное... Надо просто взять и поговорить с ним честно. Хотя бы ради того, чтобы он знал, что у него всегда будет отец, несмотря ни на что.

Леся улыбается мне ободряюще, и я наконец нажимаю кнопку ответа.

— Привет, папа! А я уже думал ты меня в черный список добавил. Как дела? — голос Семёна звучит уверенно и спокойно.

— Всё нормально, сынок, — отвечаю я, стараясь скрыть волнение. — Дел было много, забегался. А у тебя как? Чем занимаешься?

— У меня прекрасно. Вот прилетел, а дома никого. Ни тебя, ни мамы.

Его слова, будто удар грома. Он все бросил и прилетел...

— Слушай, Сёма, — говорю осторожно, — я как раз хотел тебе кое-что сказать...

Он молчит, видимо, чувствуя серьёзность момента. Я продолжаю:

— Мы с мамой решили, что нам лучше жить отдельно. Это было сложное решение, но, думаю, правильное. Для нас обоих.

На другом конце провода тишина. Я слышу лишь его дыхание, которое становится всё тяжелее. Наконец, он говорит:

— Полагаю, это был твой выбор, да?

— Да, мой, — признаюсь я. — Но, пожалуйста, пойми, это не значит, что я перестану быть твоим отцом. Ты всегда будешь важной частью моей жизни.

— Давай отбросим всю эту ванильную ерунду и поговорим откровенно. Где ты сейчас живешь? Я подъеду, — холодно произносит Семён.

Сердце сжимается от резкости его тона. Ванильная ерунда... Так вот как он воспринимает мои попытки объяснить ситуацию. Может быть, я действительно переоценил его готовность услышать то, что я хочу сказать. Сглатываю комок в горле и стараюсь сохранить спокойствие.

– Я снял квартиру в центре, – говорю ровно, хоть внутри меня всё переворачивается от его ледяного тона. – Это недалеко от той школы, где ты учился. Можешь приезжать, когда хочешь.

Семён коротко хмыкает.

— Хорошо. Скинь адрес. Через час там буду. Надеюсь, ты не передумаешь.

После этих слов связь прерывается. Чувствую, как напряжение возвращается ко мне. Встреча лицом к лицу с сыном, которого я почти не видел последние несколько месяцев, кажется неизбежным испытанием. Но ведь именно этого я и хотел — честного разговора без недосказанностей.

– Что сказал? – интересуется Леся, заметив мое состояние.

– Встречаемся через час у нас, – устало отвечаю я. – Похоже, он хочет обсудить всё лично. Давай я дам тебе карту и высажу у ТЦ? Погуляй, пока мы поговорим.

– Но, заюш...

– Леся, так надо.

– Хорошо, – обижается она, но мне плевать в этот момент на нее, все мои мысли заняты сыном.

В голове крутятся варианты, как объяснить сыну причины моего ухода. Ведь это не просто разрыв отношений между мной и его матерью. Это целая история разочарований, недопонимания и накопившихся обид. Но самое главное — это история любви, которая со временем угасла, оставив вместо себя лишь пепел воспоминаний.

Когда мы с Ларисой поженились, казалось, что ничто не сможет разрушить нашу любовь. Она была такой нежной, заботливой, а я готов был свернуть горы ради неё. Но годы шли, и наша жизнь начала меняться. Работа, бытовые проблемы, усталость — всё это постепенно разъединяло нас. Наши разговоры становились всё реже, а потом и вовсе сошли на нет. Мы жили под одной крышей, но каждый существовал в своем мире. Секса давно не было, а если он изредка и случался, то был пресным и скучным. Лариса поправилась, стала непривлекательной. Мне никогда не нравились полные женщины, а теперь я жил с такой под одной крышей и должен был еще и хотеть ее в трусах-парашютах.

Однажды я понял, что больше не могу притворяться. Внутри нарастала пустота. Я чувствовал, что теряю самого себя. Тогда и начал искать выход, пытался найти ответы на вопросы, которые мучили меня годами. Но ничего не помогало.

Лишь встреча с Лесей пробудила во мне мужчину. Давно я так не хотел кого-то, не получал такого удовольствия от секса. Молодая, красивая и легкая по характеру. Глуповата, но разве это проблема для женщины? Скорее даже плюс.

С каждым мгновением приближающегося часа растет беспокойство. Отвез Лесю до торгового центра, оставил её там и поспешил домой.

В квартире тишину нарушает только тиканье часов и редкие звуки с улицы. Время тянется невыносимо медленно. Наконец, раздается звонок в дверь. Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, и открываю дверь.

Семён стоит на пороге, высокий и серьезный, точная копия меня в молодости. Его глаза смотрят прямо и холодно, без тени сомнения или неуверенности. В них читается разочарование и злость, смешанные с чем-то вроде обиды. Мы оба молчим, глядя друг другу в глаза, пока я не приглашаю его войти.

— Проходи, — произношу, делая шаг назад.

Семён проходит в комнату, оглядываясь, словно оценивая обстановку. Его лицо остается непроницаемым.

— Кто она? — спрашивает он, оборачиваясь и смотря мне прямо в глаза.

— Семён... — начинаю я, стараясь подобрать правильные слова. — Иногда люди меняются. Жизнь меняется. То, что было хорошо раньше, перестает работать спустя годы. Мама

и я... Мы стали чужими друг другу. Я не мог больше притворяться, что всё в порядке, когда внутри у меня была пустота.

Семён слушает молча, его взгляд становится жестким и недоверчивым.

— И что, эта девушка, Леся, заполнила ту пустоту? — с сарказмом спрашивает он.

Кровь приливает к щекам. Лариска-змея, уже все ему растрепала. И теперь он пришел сюда с готовым мнением.

Ответить на этот вопрос сына сложно. Да, Леся принесла в мою жизнь радость и легкость, которых я давно не испытывал. Но объяснить это сыну непросто.

В этот момент хлопает входная дверь, и в комнату с бутылкой шампанского заходит Леся. Какого черта?!

— Привет, мальчики, я вернулась! — звучит её весёлый голос. Она замечает, что в воздухе повисает напряжение, и останавливается. — А я вам шампусика принесла. Отметить, так сказать, знакомство...

Сын сразу же оборачивается ко мне, его лицо становится мрачным, как грозовая туча.

— Что она здесь делает? — голос его такой холодный, что мне становится не по себе.

Леся, явно не понимая всей серьезности ситуации, рассеянно улыбается:

— Просто хотела выяснить, как у вас тут дела. Не помешала?

— Да, как раз помешала, — отвечает Семён резким тоном. — Ты знаешь, что у нас серьёзный разговор? Убери, папа, отсюда свою подстилку. Или уйду я.

Глава 9 Богдан

Ситуация накаляется с каждой секундой. Я стою между молотом и наковальней: сыном, чья обида и гнев осязаемы, и Лесей, которая, кажется, вообще не понимает своими куриными мозгами, насколько неподходящий момент она выбрала для своего появления.

– Леся, оставь нас, пожалуйста, – говорю я тихо, но в голосе звучит сталь. Я сделал свой выбор.

Леся фыркает, на её лице мелькает раздражение.

– Ты серьёзно, Богдан? Ты сейчас меня выгоняешь? Ты позволяешь ему меня оскорблять? Я же просто хотела...

– Леся, я не прошу. Я говорю, – перебиваю её я, не повышая тона.

Она замирает, словно не веря, что это я. Обычно я мягче, иду на уступки, но не сейчас. Пофиг, куплю ей потом красивое белье и она остынет.

– Ладно, – протянет она, её голос становится резким. – Хорошо. Раз ты так хочешь. Но надеюсь, ты его научишь хорошим манерам.

С этими словами она идет к двери, хлопная ею так, что полки на стенах дребезжат.

Мы с Семёном остаемся одни. Напряжение в комнате становится ещё более ощутимым.

– Я слушаю, – бросает он, садясь на диван и скреживая руки на груди. Поза у него вызывающая, взгляд – холодный.

Я сажусь напротив, чувствуя, как стул подо мной кажется невыносимо жёстким. Словно подо мной обвинительный стул в зале суда.

– Семён, я знаю, как это выглядит. И как это ранит. Я не хочу оправдываться, но я хочу, чтобы ты понял, что... я тоже человек. Я мог сделать ошибки. И, наверное, сделал их много.

– Это ты называешь ошибкой? – прерывает он. – Ты бросил маму. Ушёл, когда она была в больнице. Когда ей нужна была помощь. Это просто ошибка?

Его слова ударяют сильнее, чем я на то рассчитываю. Сын смотрит на меня как на чужого. И, честно говоря, я чувствую себя чужим.

– Я знаю, что был неправ. Но, Семён, если бы ты знал, как давно я это нес в себе... Мы с твоей мамой... мы перестали быть парой. Мы перестали быть теми, кем были раньше. Это не оправдание, это правда.

Сын чает головой и отворачивается.

– И что? Это причина найти себе какую-то девушку? Ты вообще подумал о том, каково маме? Ты видел её? Знаешь, что она переживает?

– Сёма, я... – запинаясь, подбирая слова. Я действительно не знаю, как объяснить, что, уходя, я искал не столько счастье, сколько спасение. – Я всё понимаю. И если бы мог, наверное, поступил бы иначе.

– Но не поступил, – заканчивает он за меня.

Мы оба молчим. Тишина в комнате кажется оглушающей. Сердце мое бешено колотится, словно на каждый удар уходит всё больше сил. Семён выглядит непоколебимым, но в его глазах я вижу не только гнев. Там много боли, горечи и разочарования.

– Ты говоришь, что искал себя. Про пустоту. Про то, что любовь прошла. Но, папа, любовь – это не только секс и яркие эмоции. Это ещё и ответственность. Ты её, похоже, не выдержал, – сын встает с дивана. – Если ты так и не понял, что значит любить и быть рядом, то что ты мне хочешь сказать?

Я не нахожу слов. Семён стоит надо мной, высокий, уверенный, сжимающий кулаки, чтобы сдержать себя. Он почти мое отражение, но только более решительный, чем я был в его возрасте.

— Я хотел... — начинаю я, но снова запинаясь. Что я мог сказать? Что я просто хотел быть честным? Или что надеялся, что он поймёт меня? — Я хотел, чтобы ты знал: я тебя люблю. И всегда буду рядом, как бы ты ко мне сейчас ни относился.

Он долго смотрит на меня, и его взгляд становится чуть мягче. Но ненадолго.

— Знаешь, пап, ты, возможно, и рядом. Но в этот раз ты не только нас подвёл. Ты подвёл самого себя. — бросает Семен, направляясь к двери. — Ты всегда говорил, что семья — это самое главное. Но ты сам от неё отказался. Просто знай: если ты когда-нибудь решишь вернуться... то может быть слишком поздно.

Эти слова застревают во мне, словно осколки. Дверь хлопает, и я остаюсь в пустой квартире, окружённый своими же мыслями и этой тишиной, которая сейчас кажется мне самым страшным наказанием.

Леся возвращается спустя полчаса. Я слышу её шаги в подъезде, а затем негромкий щелчок замка. Она заходит, бросает пакет с покупками на кухонный стол и смотрит на меня. В её взгляде я читаю раздражение, которое она даже не пытается скрыть.

— Ты уже закончил? — её голос звенит напряжением. — Я одна шлялась по магазинам, пока ты тут философией с сыном занимался.

Я молча отвожу взгляд. Внутри меня всё кипит после разговора с Семёном. Каждое его слово эхом отдаётся в голове. Но сил объяснять своё состояние у меня нет.

— Богдан, ты слышишь меня? — не унимается она, подходя ближе. Её каблуки стучат по полу, как крошечные молоточки, бьющие по моему терпению.

— Слышу, Леся, — говорю сухо. — Просто не хочу сейчас об этом говорить.

Она прищуривается, словно недоверчиво осматривая меня, будто ищет, за что зацепиться.

— То есть теперь я — лишняя? Сынуля твой наговорил гадостей, а ты на меня срываешься? Отлично, Богдан, просто блестяще! — её голос повышается, и я чувствую, что скандал неизбежен.

— Леся, хватит, — устало говорю я, но она продолжает.

— Нет, не хватит! Знаешь, что мне больнее всего? Ты меня не защищаешь. Никогда! Ты не устроил бывшей разнос за то, что она меня ударила! Ты не сказал Семёну, что я — твой выбор. Ты молчал, как будто сам сомневаешься, правильно ли сделал. Что это было, Богдан?

Я взрываюсь. Слишком много эмоций накопилось за день, слишком сильно на меня давит всё, что происходит.

— А что я должен был сказать, Леся? — резко встаю с дивана, смотря на неё сверху вниз. — Что ты — та, ради кого я разрушил всю свою жизнь? Ради кого сын меня ненавидит? Тебе этого хочется?

Её глаза расширяются от неожиданности. Она явно не ожидала такой реакции. Но это не останавливает её.

— Так и скажи, что ты жалеешь, что выбрал меня! — кричит она, сцепляя руки в замок. — Ты ведь вечно возвращаешься мыслями к своей этой Ларисе! Тебе просто не хватает духу признать, что ты до сих пор думаешь о ней, что...

— Замолчи, Леся! — мой голос звучит резко, и это заставляет её замереть. — Ты вообще понимаешь, через что я прошёл? Ты понятия не имеешь, что значит взять и разорвать что-то, что строилось годами. Не имеешь представления, как это — жить с чувством, что предал всех, кто был тебе дорог. Ты думаешь, я всё сделал ради того, чтобы ты потом бросала мне в лицо эти упрёки?

Её глаза наполняются слезами. Она смотрит на меня с выражением, которое я не могу разгадать. Злость? Обида? Или... страх?

— Значит, я для тебя просто ошибка, да? — шепчет она. — Просто попытка сбежать? И если всё так плохо, то почему ты не уходишь? Почему не бросишь меня, если я тебе ничего не значу?

Я вижу, как её руки начинают дрожать, а в голосе прорывается паника. Леся словно боится, что я сейчас скажу что-то, что разрушит её мир.

– Леся... – мой тон смягчается. Злость начинает отступать, оставляя после себя усталость. – Я не хочу этого. Но ты должна понять: у нас с тобой сейчас сложный период. Мне тяжело. И тебе тяжело. Если мы начнём винить друг друга, это всё разрушит.

Она быстро вытирает слёзы, но я замечаю, как дрожат её пальцы. Она больше не спорит, её взгляд опущен.

– Я не хочу, чтобы ты меня бросил, – вдруг произносит она тихо. Её голос звучит так искренне, что я не могу не почувствовать её страх. – Я знаю, что бываю слишком... требовательной. Но, Богдан, я стараюсь. Правда стараюсь. Просто... иногда мне страшно, что ты вернёшься к ней. Или поймёшь, что я недостаточно хороша.

Её слова задевают меня, но не так, как раньше. В них нет упреков, только уязвимость. Она стоит передо мной, такая неуверенная, такая далёкая от того образа яркой и глупой девушки, который она всегда старается демонстрировать.

Я подхожу ближе и кладу руки ей на плечи.

– Леся, я здесь. Сейчас здесь. Мы оба сделали выбор, и он нас привёл сюда. Давай попробуем не разрушить то, что есть. Но для этого... нам нужно научиться слышать друг друга, – говорю я.

Она кивает, с трудом удерживая слёзы, и делает шаг ко мне, словно боясь, что я отойду. Её голова опускается мне на грудь, и я чувствую, как её плечи расслабляются.

В комнате наступает тишина. Не та давящая, что была раньше, а другая – спокойная, дающая нам обоим передышку.

Глава 10

Лариса

Дни в санатории идут размеренно. Я бы даже назвала их спокойными, если бы не тягучее чувство тревоги, которое иногда всплывает в душе. Процедуры чередуются с долгими прогулками, а на сердце всё равно беспокойно. Сколько бы ни убеждала себя в том, что здесь я восстанавливаюсь, что это мой шанс вернуть себя, мысли всё равно возвращаются к Семёну, к дому и... к тому, что оставила за спиной.

Сегодня, как и обычно, я после утренней гимнастики выбираюсь на террасу санатория. Местный чай с душицей и мятой уже стал для меня утренним ритуалом. Александр, как всегда, появляется почти незаметно.

– Доброе утро, Лариса, – он ставит свою чашку на соседний столик и слегка кивает.

– Доброе, Александр, – отвечаю, чувствуя, как лёгкая улыбка растягивает губы. С ним всегда так — легко и по-дружески. Это не напрягает, и я рада, что он не задаёт лишних вопросов.

– Как нога? – его глаза, такие светлые и внимательные, ловят мой взгляд.

– Лучше. Честно говоря, даже удивляюсь, насколько быстро идёт процесс. Но... это всё равно больно. Особенно в душе, – добавляю я тихо, не ожидая, что он услышит.

Но он слышит. Его лицо становится серьёзным, но мягкость из взгляда не уходит.

– Ты просто устала, – говорит он. – Тело может восстановиться быстро, а вот душе нужно время.

– Иногда мне кажется, что этот день никогда не наступит, – признаюсь, глядя на чай. В дымке над чашкой, кажется, можно разглядеть все мои тревоги.

Александр делает небольшой глоток и кивает. Он как всегда не перебивает, не пытается влезть в мои переживания с советами.

– Ты снова думаешь о чём-то, – замечает он, кивая на меня.

Я вздыхаю, глядя на море, которое переливается в лучах заката.

– О сыне думаю. Он бросил учебу и прилетел домой. Как он теперь там? Конечно, он уже взрослый, но я знаю, что ему сейчас нелегко. Богдан всё-таки отец... Как он воспримет новости о нашем разводе и измене отца? Как это повлияет на его отношение к жизни, к семье? Это не даёт мне покоя.

Мои слова повисают в воздухе, но Александр терпеливо ждёт. В его безмятежности есть что-то успокаивающее, и мне легче продолжать.

– А вдруг я поступила неправильно? Может должна была сама ему все сразу рассказать? – мой голос начинает дрожать, но я сдерживаю слёзы. – Но я не смогла...

Александр откладывает чашку, его взгляд становится твёрже.

– Лариса, ты слишком строга к себе, – произносит он, не отрывая глаз от моих. – Я не знаю твоего сына, но по тому, как ты о нём говоришь, уверен, что ты сделала всё возможное. Ты воспитала его сильным. И он сам все обсудит с отцом. Просто доверься ему.

Его слова звучат утешительно, но мне всё равно тревожно. Я благодарно киваю, понимая, что не могу ответить. Александр, как всегда, не настаивает, и мы продолжаем сидеть в тишине, слушая шум моря.

Вечером я собираюсь лечь спать пораньше. В голове пульсирует усталость, тело гудит от пройденных процедур. Но только я укладываюсь на подушки, как звонит телефон. На экране имя Лиды.

– Привет, подруга, как дела?

– Лида, что случилось? – спрашиваю, едва нажав на кнопку ответа.

Обычно она звонит в хорошем настроении, чтобы подбодрить, но сегодня в её голосе я слышу что-то другое. Нервозность.

– Лариса... я... короче, я сказала Семёну, – выдыхает она, как будто сбрасывает с себя груз.

Моё сердце замирает. Я встаю с кровати, сжимая телефон так, что пальцы белеют.

– Что ты сказала? – голос звучит слишком тихо, чтобы выразить всё, что я чувствую.

– Всё, – отвечает она, кажется, испуганно. – Про развод, про Богдана и эту... Пердесю. Сёма как прилетел, так каждый день спрашивал, я не смогла больше молчать. Он ведь всё равно уже догадывался, Лара!

Я хватаюсь за край стола, чтобы удержаться на ногах. В голове гул, сердце бешено колотится.

– Лида... как он отреагировал? – слова вырываются с трудом, словно я боюсь услышать ответ.

– Да как? Матом. Забористым таким. Парень у тебя замечательный. Настоящий мужик, не понятно в кого, конечно. Сразу еще больше захотел поговорить с Богданом. Я пыталась остановить, но честно не от всего сердца.

Я зажимаю рот рукой, пытаюсь сдержать подступающий крик. Внутри всё переворачивается.

– Я лечу домой, – выдыхаю я, перебивая её.

– Лара, подожди! Ты же только начала приходить в себя! – в её голосе мольба.

– Нет, Лида. Это мой сын. Я должна быть рядом. Я должна ему всё объяснить. Лично, – мои слова звучат твёрдо, но внутри я дрожу.

Она продолжает что-то говорить, пытается отговорить меня, но я уже не слушаю. Всё, что я слышу, это громкое биение собственного сердца и слова: «Сёма пошел поговорить с Богданом».

Сбрасываю её и сразу набираю сына, но он недоступен. У меня начинают от страха волосы на голове шевелиться.

Быстро открываю приложение и заказываю билет на ближайший рейс, почти на автопилоте собираю вещи. Каждое движение даётся с трудом, боль в ноге усиливается, но я её игнорирую. Сейчас не время думать о себе. Мой сын, мой единственный ребёнок, нуждается во мне. И это всё, что имеет значение.

На рассвете я выхожу из своего номера. Небо окрашено в бледно-розовые и золотые тона, лёгкий морской ветер касается лица. Я останавливаюсь на мгновение, оглядываясь на санаторий. Мысленно прощаясь с этим местом, сажусь в такси.

Аэропорт шумит, как улей, но я ничего не слышу. Люди мелькают вокруг, каждый занят своим делом, а я стою, словно в вакууме, сжимая в руках сумку. До вылета ещё полчаса, и я пытаюсь собраться с мыслями. Телефон лежит в кармане, тяжёлый, словно кирпич. Я уже несколько раз проверяла — Семён по-прежнему недоступен. «Где он сейчас? Что делает? В каком состоянии?»

И тут телефон оживает. Вибрация раздаётся так резко, что я вздрагиваю, едва не роняя его. Богдан. Имя на экране будто пульсирует, прожигая взгляд. В груди сжимается что-то болезненное, словно я знаю, что этот разговор ничего хорошего не принесёт. Я стою на месте, чувствуя, как по телу пробегает неприятный холодок. Секунду колеблюсь, но всё же принимаю вызов. Единственная причина — узнать, как Семён.

– Алло? – произношу тихо.

Ответ следует мгновенно, как удар хлыста. Его слова резко и беспощадно бьют прямо в лицо.

– Лариса, ты совсем больная? – начинает он, не утруждая себя ни приветствием, ни попыткой скрыть злобу. – Что ты наговорила Семёну?

Я замираю, словно он действительно поймал меня на месте преступления. Страх и растерянность смешиваются внутри, превращаясь в нечто горячее и липкое.

– Богдан, я ничего не говорила! Это Лида... – начинаю оправдываться, но он тут же перебивает, его голос становится резким, почти режущим.

– Неважно, кто ему сказал! Ты думаешь, я идиот? Думаешь, я не понимаю, что ты настроила его против меня? И зачем? Чтобы он считал меня монстром? Чтобы ты выглядела жертвой? Это твой план, да?

Он продолжает, не давая мне вставить и слова. Его голос, полный презрения, эхом отдаётся у меня в голове.

– Что? О чём ты вообще говоришь? – я пытаюсь перехватить инициативу. Не хочу, чтобы он видел мою слабость, но слова словно застревают в горле. – Я никогда не пыталась настроить Семёна против тебя. Он взрослый, Богдан. Он имеет право знать правду!

Моё заявление звучит громче, чем я планировала, но его это не останавливает. Наоборот, кажется, что мои слова только подливают масла в огонь.

– Какую правду? Твою версию событий? – его голос становится громче, пронзительнее, и я машинально оглядываюсь вокруг. Люди в аэропорту начинают посматривать на меня. – Ту, где ты святая, а я — мерзавец? Лариса, не строй из себя мученицу. Мы оба знаем, кто ты на самом деле.

Его слова злят, унижают, делают больно, но я всё ещё пытаюсь держаться.

– Ты специально разрушила мои отношения с сыном, – продолжает он, и теперь его голос становится ядовито холодным, лишённым всяких эмоций, кроме презрения. – Ещё и на Лесе отыгралась. Чуть не убила её! Напасть на неё со спины, ударить ни за что — это нормально? Это твоё представление о справедливости?

Внутри меня что-то взрывается.

– Со спины? – рывкаю в ответ, ощущая, как в груди закипает гнев. – Пусть твоя Облеся держится от меня подальше и держит свой грязный язык за зубами!

– Угрожаешь? – его голос меняется, приобретает насмешливые нотки. Он смеётся — низким, холодным смехом, от которого у меня пробегает мороз по коже. – Я бы на твоём месте засунул язык в жопу. У неё синяк ещё не сошёл. Если бы она сняла побои и подала заявление, ты бы уже сидела! А знаешь что? Может, это ещё не поздно. Может, тебе стоит подумать о клинике? Психиатрической, разумеется. Это ведь очевидно, что с тобой что-то не так. Стресс на фоне того, что тебя бросил муж...

Его слова звучат, как удары. Каждый из них проникает в самую глубину, заставляя сердце бешено колотиться, а горло сжиматься от подступающих слёз. Но слёзы я не позволю себе. Ни при нём, ни сейчас.

– А тебе не нужно провериться? У тебя с головой всё в порядке? Хотя мне уже плевать на тебя, – выдыхаю я устало, словно каждый звук даётся с усилием. – Меня сейчас волнует только Семён. Ты хоть понимаешь, что он чувствует? Ты думал о том, как ему с этим жить?

– Семён чувствует себя так из-за тебя, – резко отвечает он. – Ты решила, что можешь лезть в его голову и подсовывать свои версии. Ты хреновая мать, Лариса, и ты понятия не имеешь, как вести себя с собственным сыном.

Эти слова — последняя капля. Что-то внутри меня ломается, и я больше не могу держаться.

– Знаешь что, Богдан? – я почти шиплю, чувствуя, как моё лицо горит от злости.

– Что?! – бросает он в ответ, будто подначивая меня.

– Иди в жопу! – выплевываю с презрением, впервые позволяя себе такое в его адрес. И тут же сбрасываю вызов, даже не дождавшись его ответа.

Стою посреди зала аэропорта, тяжело дыша, ощущая, как весь гнев и напряжение накрывают меня с головой. Несколько человек оборачиваются, слыша мой крик, и я сразу понимаю, что привлекла к себе ненужное внимание. Телефон снова начинает вибрировать. Богдан.

– Да катись ты! – шепчу себе под нос, отключая телефон полностью. Пусть выливает свои помои на Лесеньку. А у меня есть дела поважнее.

Бросаю телефон в сумку, зарываюсь пальцами в волосы и закрываю глаза, пытаюсь успокоиться. Но внутри всё ещё бушует шторм. Боль, злость, разочарование. И всё это перемешивается с одной мыслью: «Семён. Только бы с ним всё было в порядке».

Глава 11

Самолёт мягко касается посадочной полосы, и меня окутывает странное чувство облегчения. Гул моторов постепенно стихает, а внутри меня наконец наступает тишина. После звонка Богдана я провела несколько мучительных часов в неведении и нервотрёпке, но с каждым километром, который приближал меня к дому, становилось чуть легче.

Теперь я понимаю: Семён не сделал ничего импульсивного. Не набил Богдану морду, хотя, может быть, ему и хотелось. Если бы он позволил себе такое, Богдан непременно воспользовался бы этим как очередным поводом обрушить на меня ушат помоев. Но ничего этого не случилось. Значит, мой сын контролировал себя, несмотря на злость и обиду. И это, как ни странно, успокаивает.

Когда я открываю дверь квартиры, меня встречает знакомая тишина. В прихожей всё на своих местах: ботинки Семёна, моя старая полка с ключницей, даже запах родного дома остаётся прежним. Чувствую, как внутри поднимается лёгкая волна трепета.

В глубине квартиры слышен приглушённый звук — кажется, телевизор или музыка. Прохожу по коридору, осторожно заглядываю в гостиную. Семён сидит на диване, скрестив ноги, перед ним открыт ноутбук. На экране мелькают кадры какого-то фильма. Он выглядит спокойным, даже расслабленным, но выражение его лица меняется, как только он замечает меня.

– Мам? – его голос звучит удивлённо, почти растерянно. Он ставит фильм на паузу, взгляд устремляется на мои чемодан, костыль и уставшее лицо. – Ты что тут делаешь?

– Вернулась, – отвечаю я, чувствуя, как слабая улыбка трогает мои губы. – Решила, что ты нуждаешься во мне больше, чем я — в лечении.

Семён качает головой, морщась, как будто я сказала что-то абсурдное. Он захлопывает ноутбук и смотрит на меня серьёзно.

– Мам, ты чего? Ты прервала лечение... ради меня? – в его голосе недовольство, но не злость. Скорее, удивление, смешанное с раздражением.

Я ставлю чемодан в угол, рядом пристраиваю костыль, снимаю куртку и сажусь в кресло напротив него. От усталости нога ноет, но я стараюсь не обращать на это внимания.

– Сёма, я мать. Как ты мог подумать, что я останусь там, зная, что у тебя такие проблемы? – отвечаю, стараясь говорить мягко.

– Проблемы? – его брови поднимаются. – Мам, у меня нет проблем. Если ты говоришь о том, что я узнал о вашем разводе и всей этой... Лесе, то да, это неприятно. Но это не повод для тебя всё бросать.

Я смотрю на него, стараясь прочитать, что кроется за его словами. Гнев? Разочарование? Но он выглядит... удивительно спокойно.

– Семён, я просто подумала, что тебе будет проще, если я буду рядом, – признаюсь тихим голосом. – Знала бы, что ты спокойно смотришь фильмы на диване, осталась бы там.

Сын хмыкает, качает головой.

– Ну ты даёшь, – говорит он, прикрывая лицо ладонью. – Мам, я уже взрослый. Серьёзно. Мне не нужно, чтобы ты всё время контролировала, чем я дышу и как я справляюсь. Это, наоборот, мешает.

– Прости, – выдыхаю, чувствуя, как мои плечи начинают опускаться. – Просто... я волновалась. Ты ничего не говорил. Не отвечал на звонки. А Богдан...

– Ты про отца? – перебивает он, и теперь в его голосе звучит уже явное раздражение. – Мам, зачем ты вообще с ним разговариваешь? Этот человек не стоит твоих нервов.

– Ты с ним виделся? – спрашиваю осторожно, поднимая на него взгляд.

Семён смотрит на меня долгим, тяжёлым взглядом.

– Да, – отвечает он, наконец. – И он меня достал своими объяснениями. Мне плевать, почему он так поступил. Это всё равно не меняет того, что он сделал.

Его слова звучат твёрдо, и в этот момент я понимаю, что Семён действительно справляется. Возможно, даже лучше, чем я. Моё напряжение постепенно рассеивается, оставляя место лёгкому облегчению.

– Мам, ты правда должна была остаться в санатории, – говорит он, вставая с дивана. – Ты же сама говорила, что тебе нужно время. А теперь ты здесь, и что? Будешь ходить за мной по пятам?

– Нет, – отвечаю я с улыбкой. – Просто хотела убедиться, что с тобой всё в порядке.

Он бросает на меня взгляд, в котором читается одновременно упрёк и забота.

– Всё в порядке, – произносит он, подходя ко мне и кладя руку мне на плечо. – А вот ты, мам, должна была думать о себе. У тебя ведь тоже есть право на отдых.

Его слова трогают меня до глубины души. Я смотрю на него, и в груди разливается тепло. Да, он вырос. Стал сильным. А я только зря переживала.

Глава 12 Леся

Сию в душной комнате полиции, пытаюсь сохранять идеально выверенную маску: немного испуганную, слегка надломленную, но ни в коем случае не жалкую. Резкий свет люминесцентной лампы падает прямо на стол, высвечивая в моих глазах слёзы, которые я изо всех сил заставляю себя выдавить. Для таких дел важна каждая деталь. Дрожащие руки, чуть срывающийся голос, нервные взгляды по сторонам. Пусть этот сержант подумает, что перед ним сидит незащищенная девушка, оказавшаяся под костылем разгневанной мегеры.

На столе передо мной лежит справка из травмпункта, которую я взяла в тот же день. Она выглядит убедительно: ушиб, зафиксированный врачом, рекомендации покоя. Синяк на бедре — мой главный козырь. Конечно, сейчас он не такой уж страшный, но немного тонального крема вокруг и правильное освещение сделали его выглядящим куда хуже, чем на самом деле. Пусть эта Лариса знает: меня трогать нельзя. И уж тем более безнаказанно.

— Так, — сержант, пожилой и немного грузный, лениво поднимает на меня взгляд поверх очков. Его лицо кажется усталым, но я замечаю, как взгляд на секунду задерживается чуть ниже моего подбородка. Отлично. Всё идёт по плану. — Ещё раз, гражданка Пердесюк, расскажите, как всё было.

Его голос сухой, но я замечаю, как он украдкой бросает взгляд на моё декольте. Белая блузка специально немного расстёгнута — настолько, чтобы показать ровно столько, сколько нужно. Никакого перебора, только лёгкий намёк.

— Я даже не знаю, с чего начать, — отвечаю, нарочито тихо, чтобы мой голос звучал уязвимо. Слегка прижимаю руки к груди, будто пытаюсь защититься от воспоминаний. — Это было так страшно...

Сержант хмурится, но, кажется, начинает интересоваться. Я вижу, как он немного выпрямляется в кресле. Уже лучше. Это значит, что я держу его внимание.

— Она... Лариса, бывшая жена моего Богдана, — начинаю я, стараясь, чтобы её имя прозвучало как обвинение и намеренно скрывая тот факт, что Крыса-Лариса ещё никакая не бывшая по документам. — Я понимаю, она страдает. Развод — это всегда тяжело. Но я ведь ничего ей плохого не сделала! Мы случайно столкнулись. Я просто хотела поговорить... объяснить ей, что она не может вернуть мужа. Хотела, чтобы она нашла в себе силы двигаться дальше. А она...

Я останавливаюсь, делая паузу. Взгляд устремляю вниз, словно боюсь продолжать. Пусть он увидит, что мне тяжело.

— Что она? — сержант слегка подаётся вперёд, его голос звучит чуть мягче.

Такой наивный... Хотя, любому мужику нравится чувствовать себя защитником.

— Она закричала на меня, — продолжаю я, опуская взгляд и играя с уголком блузки. — А потом... она ударила меня. Со спины! Представляете? Просто напала! Я даже не поняла, что произошло.

Его карандаш на секунду замирает над протоколом. Кажется, я задела его.

— И что дальше? — он снова записывает, но теперь его голос звучит внимательнее.

— Я упала, — мой голос начинает дрожать. Закрываю лицо руками, как будто пытаюсь скрыть своё смятение. — Она была в бешенстве... Наносила удары, как сумасшедшая. Я вообще подумала, что она меня убьёт. Но мне удалось вырваться в последний момент.

Я поднимаю голову, смотрю на него, слегка прикусывая губу. Это добавляет образу уязвимости, а заодно подчёркивает мой макияж. Пусть видит, как несчастна эта "жертва". Я замечаю, как его взгляд снова скользит к моему декольте, прежде чем он спохватывается и отводит глаза.

— Она часто так себя ведёт? — спрашивает сержант, поднимая голову.

– Не знаю... – отвечаю я, добавляя нотку отчаяния. – Она кажется такой хорошей на первый взгляд. Но, наверное, обида из-за развода свела её с ума.

Он хмурится, но я вижу, что мои слова попадают в цель. К тому же его взгляд снова невольно возвращается ко мне, скользит по моим рукам, опущенным плечам, моей позе. Всё это я репетировала заранее.

Сержант смотрит на меня и видит жертву. Несчастную, растерянную, беззащитную. Это именно то, что мне нужно.

Мужчина продолжает писать, время от времени бросая взгляд на меня, будто проверяет, всё ли в порядке.

Откидываюсь на спинку стула, позволяя себе немного расслабиться, пока он заканчивает с протоколом. Но в голове думы не о бумагах и не о полиции. Мысленно возвращаюсь к тому моменту, когда всё это началось. Когда я «случайно» оказалась в жизни Богдана.

Все началось намного проще, чем может показаться. Никаких вечеринок, бокалов с вином и фальшивых улыбок. Меня устроили секретаршей к Богдану. Его имя мелькало в разговорах моего двоюродного дяди, который помог мне получить эту работу.

"Хороший начальник, – говорил дядя. – Строгий, но справедливый. Главное, не лезь ему под горячую руку и делай всё вовремя."

Когда я впервые увидела Богдана, он показался мне немного... уставшим. Словно весь мир держался на его плечах, и он не мог позволить себе даже на минуту их распрямить. Суровый взгляд, строгий костюм, уверенность в каждом движении. Но это всё только внешнее. В его глазах я сразу увидела то, что искала: пустоту. Пустота всегда опасна, но в то же время — это возможность. Пустого человека можно наполнить тем, что ты хочешь. И я знала, чем.

В первые дни держалась тихо, даже слишком. Вежливые улыбки, аккуратный внешний вид, выполненные вовремя поручения. Богдан меня почти не замечал, но это было частью моего плана. Если бы я сразу начала привлекать его внимание, он бы насторожился. Нет, я выбрала другую тактику.

Я начала с мелочей. Невинных взглядов, которые чуть дольше задерживались на нём, чем следовало бы. Вопросов, которые позволяли ему развернуться в очередной лекции о его бизнесе.

"Вы такой опытный, Богдан Сергеевич. Как вам удалось достичь всего этого?"

Мужчины любят рассказывать о себе, и Богдан — не исключение. Он начинал говорить, сначала сухо, официально, но постепенно, день за днём, становился всё более открытым.

Однажды, оставшись допоздна на работе, я заметила, как он массирует виски, сидя за столом. Выглядел он тогда особенно измотанным.

– Всё в порядке, Богдан Сергеевич? – спросила я, подойдя чуть ближе, чем обычно. Мой голос звучал мягче, чем положено секретарше.

Богдан поднял на меня глаза, в которых мелькнула благодарность за внимание. Но он тут же спрятал её за привычной маской строгости.

– Ничего особенного, Олеся, – отрезал он. – Просто день выдался тяжёлый.

И тогда я сделала первый шаг.

– Может, вам сделать чай? – предложила как бы невзначай. – У меня есть травяной, расслабляющий. Помогает от усталости.

Он смутился, слегка кивнул. Я принесла ему чашку, оставив её на столе с лёгкой улыбкой. Пусть это было мелочью, но с этого момента он начал смотреть на меня иначе.

Мои знаки внимания постепенно стали для него привычным делом. Забытые на его столе записки с пожеланием хорошего дня. Мелкие ошибки, которые я "случайно" совершала, чтобы Богдан мог объяснить мне, как сделать лучше. Случайные прикосновения, когда подавала ему папки.

Я видела, как он борется сам с собой, пытаюсь сохранить профессиональную дистанцию. Но мужчины всегда сдаются, если ты знаешь, как правильно подступить. А я знала.

Одним вечером, когда мы снова задержались вдвоём, он наконец не выдержал. Мы сидели за компьютером, разбирая документы. Я слегка наклонилась к нему, чтобы показать нужную строку, и почувствовала, как его взгляд задержался на моем декольте дольше, чем следовало. В тот момент поняла: пора действовать.

– Олеся, – его голос звучал напряжённо, словно он пытался убедить себя, что всё это неправильно. – Ты хорошая девушка, но...

– Но? – перебила я, чуть наклонив голову, так чтобы волосы мягко упали на плечо. Я улыбнулась, глядя ему прямо в глаза. – Я что-то не так делаю?

Он отвёл взгляд, но я уже видела, что он потерян. Стоило мне улыбнуться чуть шире, чуть ближе наклониться — и он сдался.

Сначала всё было забавой. Мне нравилось наблюдать, как он пытается сохранить свой серьёзный вид, но при этом теряется, когда я начинаю кокетничать. Мне нравилось ловить его взгляды, видеть, как он борется с самим собой, но всё равно тянется ко мне.

Но потом я поняла: Богдан — это не просто интрижка. Он мой шанс. Мужчина, который может дать мне то, о чём я мечтала. Стабильность. Комфорт. Перспективы.

А его жена? Лариса? Да кому она нужна? Я знала о ней с самого начала. Знала, что она зацепилась за него всеми силами, но теряла его день за днём. Лариса — это прошлое. А я — его будущее. Пусть страдает. Пусть бьётся в истерике. Она сама виновата, что не смогла удержать его. Если она недостаточно хороша для него, то это не моя проблема.

– Всё, заявление принято, – голос сержанта вырывает меня из мыслей. Он смотрит на меня чуть мягче, чем в начале разговора, и протягивает копию заявления. – Мы вызовем её для объяснений.

– Спасибо вам огромное, – говорю я, складывая руки на столе и чуть подавшись вперёд. Пусть снова увидит этот «невинный» жест. – Я просто хочу, чтобы она поняла, что так делать нельзя. Я не хочу ей зла, но... мне нужно защитить себя.

Он кивает. Его взгляд снова цепляется за меня, задерживаясь дольше, чем следовало бы. Я вижу в нём смесь профессиональной отстранённости и чего-то более личного. Пусть он сам в этом не признается, но моё кокетство сработало.

Я встаю, аккуратно убирая справку и копию заявления в сумочку. Выходя из участка, ощущаю странную смесь удовлетворения и лёгкого напряжения. Всё идёт по плану, но впереди ещё одна часть, которая требует особой деликатности.

Богдан. Пусть он и не знает о моём заявлении, но если это когда-то всплывёт, нужно быть готовой. Я уверена, что смогу убедить его в своей правоте. И всё-таки в глубине души остаётся укол недовольства. Мой сильный и решительный Богдан, так и не смог меня защитить перед своим сыном.

Семён... Вот уж кто удивил меня. Молодой, симпатичный, а в его взгляде — этот мужской стержень. Он весь такой... собранный, уверенный в себе. А как он бросил Богдану эти резкие слова, сжав челюсть, будто готов был врезать ему. Были бы у него бабки, я бы даже позволила себе немного развлечься. Но пока это бессмысленно. Красота без денег — как конфета без начинки: выглядит вкусно, но пользы ноль.

Я достаю из сумки зеркало, слегка поправляю макияж, подкрашиваю губы. Блеск для губ цвета карамели подчёркивает мою уверенность. Тёмные глаза чуть прищурены, взгляд ленивый и в то же время многообещающий. Лицо выражает ту самую лёгкую наивность, которая всегда подкупает мужчин. Мужчины, такие как Богдан, любят чувствовать, что контролируют всё. Им нужна женщина, которая покажет, как она без них ничего не может. Они готовы с радостью нести эту «ношу».

Помню, как он впервые напрягся, когда я начала говорить о чём-то серьёзном. Как нахмурился, будто я случайно наступила на его территорию. С тех пор приняла простое решение: играть. Лёгкая дурочка, которая смеётся его шуткам, восхищается его историями, требует объяснений самых простых вещей. Пусть он чувствует себя учителем, наставником, героем. Пусть верит, что он — центр моего мира.

Дома я скидываю туфли, позволяя себе на мгновение расслабиться. Падаю на диван и достаю телефон. Богдан должен был позвонить ещё час назад, но, конечно, он занят. Его дела, его проблемы — всё важнее меня. Ладно, подожду. Тем временем в голове кручу сценарии. Если он узнает о моём заявлении, я просто скажу правду. Ну, почти.

"Она ведь напала на меня, Богдан," — усмехаюсь про себя, повторяя репетиционный текст. — "Я должна была защищаться, любимый. А вдруг она снова подкараулит меня и нападет? Или ты хочешь, чтобы меня обижали, а я молчала?"

Наконец, телефон звонит. Я вижу на экране его имя и натягиваю маску ласковости.

— Привет, заюш, — отвечаю голосом, полным нежности. — Я уже соскучилась. Как ты?

— Леся, — его голос слегка напряжённый. — Извини, не мог раньше. Ты в порядке?

Этот вопрос заставляет меня улыбнуться. Я знаю, как сделать его тон мягче.

— Конечно, милый, — шепчу, играя интонациями. — Но мне так не хватало твоего голоса. Ты ведь знаешь, как я скучаю по тебе.

Я слышу, как он слегка смущён. Мужчины всегда поддаются на это.

— Я сейчас не могу говорить, — произносит он тише.

— Знаешь, что я сейчас сделаю? — специально дразню его, переходя на полусёпот. — Наполню ванну с душистой пеной и буду ждать тебя...

Он замолкает на секунду. Я представляю, как он сейчас напрягается, как его мысли начинают путаться.

— Лесенок, — говорит он наконец, его голос становится теплее, — я тебе позвоню позже, хорошо?

— Буду ждать, заюш, — мурлычу я, заканчивая разговор.

Я откладываю телефон и улыбаюсь. Богдан снова думает, что контролирует ситуацию. Пусть так. Главное, чтобы он всегда оставался привязан ко мне. А я уже решу, как правильно направить его энергию. Ведь это мой король, а я — королева на этой шахматной доске. И я не проигрываю.

Глава 13 Богдан

Телефон звонит в самый неподходящий момент. Я сижу в машине перед офисом, прокручивая в голове детали встречи с новым подрядчиком, пытаюсь сложить в голове финальные аргументы, но всё время сбиваюсь. Не могу сосредоточиться. В голове пустой шум, раздражение и странная усталость, которая не отпускает последние несколько дней. Гудки телефона ещё больше выбивают из равновесия. Номер незнакомый, и я автоматически думаю, что это очередной рекламный звонок.

Тяжело вздыхаю, проводя рукой по лицу, и поднимаю трубку, уже мысленно готовясь холодно отшить собеседника.

– Богдан Сергеевич? – голос с другого конца линии звучит низко и серьёзно. Определённо не оператор. – Вас беспокоят из полиции. Сержант Куликов.

Слово "полиция" заставляет меня выпрямиться. Всё остальное мгновенно вылетает из головы, а лёгкий холод разливается где-то под кожей. Полиция? Какая ещё полиция?

– Да, это я. Что случилось? – мой голос звучит напряжённо, и я злюсь на себя за это.

– Хотели бы пригласить вас в участок. Нужно прояснить некоторые обстоятельства, касающиеся инцидента, связанного с вашей знакомой, гражданкой Пердесюк. Вы указаны в качестве свидетеля.

Леся? Участок? Я пытаюсь собрать мысли, но ничего путного в голову не приходит. Леся в участке? В какой ещё роли — пострадавшей или обвиняемой? Моё раздражение и тревога растут с каждой секундой.

– Могу я узнать подробности? – спрашиваю, стараясь говорить спокойно, но голос выдаёт напряжение.

– Вам всё объяснят на месте, – его тон сухой, почти отстранённый. – Желательно, чтобы вы приехали в течение часа.

Я бросаю взгляд на часы. Чёрт с ним, с подрядчиком. Сейчас это не имеет значения.

Когда я вхожу в участок, мне кажется, что стены здесь будто излучают напряжение, пропитывая им всё вокруг. Резкий свет, тяжёлый запах табака и дешёвого кофе. Меня встречает мужчина в форме, среднего возраста, с усталым лицом. Он жестом приглашает меня в кабинет. Я чувствую, как напряжение внутри меня растёт, словно пружина, готовая лопнуть.

– Сержант Куликов, – представляется он. – Рад, что вы смогли приехать так быстро.

– Что за инцидент? – перехожу к делу, голос звучит жёстче, чем я планировал. В груди уже закипает злость, смешанная с тревогой.

Куликов садится за стол и начинает раскладывать перед собой документы. Его движения медленные, словно он специально тянет время, а я чувствую, как пальцы начинают непроизвольно сжиматься в кулак.

– Ваша знакомая, гражданка Пердесюк, обратилась к нам с заявлением о нанесении ей телесных повреждений, – наконец произносит он. Его взгляд остаётся спокойным, без эмоций.

– Пострадавшая утверждает, что гражданка Лариса Громова, ваша бывшая супруга, нанесла ей удар во время конфликта.

На секунду мир вокруг будто замедляется. Лариса? Ударила Лесю? Так это было когда...

И тут же меня охватывает раздражением и досадой. Всё-таки не сдержала слово и написала заявление. Ну, Леся!

– И при чём здесь я? – выпаливаю, пытаюсь сохранить самообладание, хотя внутри уже всё кипит.

– Вы указаны как свидетель. По словам пострадавшей, конфликт произошёл вскоре после вашей совместной встречи, – сержант говорит размеренно, будто читает отчёт.

Моя злость начинает превращаться в ярость. Леся сделала это за моей спиной, втянула Ларису, превратила ситуацию в цирк. А теперь я должен расхлёбывать её дерьмо.

– Олеся наговорила на Ларису, – произношу я твёрдо, сквозь сжатые зубы. – Все ее показания — ложь. Лариса никогда не тронула бы её. Это Леся могла упасть сама или просто выдумала это. Ей нравится выставить себя жертвой.

Сержант поднимает брови, явно удивлённый моей прямоотой.

– То есть, вы считаете, что гражданка Пердесюк преувеличила или сфабриковала свои обвинения?

– Именно так, – киваю, ощущая, как злость всё больше захлёстывает меня. Ни к чему мне лишний скандал с бывшей. Я уйти от нее хотел, а не закопать. – Послушайте, Лариса — мать моего сына. И, как бы ни сложились наши отношения, я не позволю её втягивать в подобные разборки.

Сержант молчит, его взгляд становится внимательным, как будто он пытается оценить искренность моих слов. Я выдерживаю паузу, чувствуя, что это важно.

– Ваше заявление будет учтено, – наконец говорит он. – Если потребуется дополнительная информация, мы с вами свяжемся.

Я киваю, встаю и выхожу из кабинета, стараясь не хлопать дверью.

Когда сажусь в машину, злость становится почти невыносимой. Сжимаю руль так, что пальцы побелели. В голове шумит, эмоции смешиваются в гремучую смесь: гнев, раздражение, разочарование. Леся. Какого чёрта она устроила этот цирк? Да, мои отношения с Ларисой давно закончились, но это не значит, что я хочу ей зла. У нас есть общий сын. Если я могу сохранить хоть каплю уважения между нами ради него, я это сделаю.

Но Леся... Она превратила всё это в грязное представление, заставив меня выглядеть полным идиотом. Скандалы, полиция, ложь. Ради чего? Ради того, чтобы почувствовать себя важной?

Я с силой давлю на педаль газа, оставляя за собой участок, и всё, о чём я могу думать, – это как разобраться с Лесей. И разобраться жёстко.

Глава 14 Богдан

Когда добираюсь до дома, уже готов все к чертям разнести. Дыхание сбивчивое, пальцы всё ещё помнят, как сжимали руль, пока я пытался унять это жжение в груди.

Хлопаю дверь так, что квартира наполняется гулким эхом. На пороге гостинной картина, которая выбешивает ещё больше: Леся, как ни в чём не бывало, развалилась на диване. Телефон в руках, ленивый взгляд на экран, её полное спокойствие кричит о том, что она вообще не осознаёт масштаб устроенного ею.

– Лесь! – мой голос звучит громче, чем я хотел, но в нём уже нет ни терпения, ни желания сдерживаться. – Ты можешь объяснить, что за херня с этим заявлением?

Она медленно поднимает на меня глаза, её лицо ничего не выражает, кроме лёгкого удивления. Как будто я говорю о какой-то ерунде.

– Богдан, – отвечает она своим мягким, почти мурлыкающим голосом, – я защищалась. Ты сам знаешь, Лариса напала на меня. Что я должна была делать? Молчать?

Её голос, такой спокойный и «невинный», звучит в моей голове как взрывающаяся граната. Я чувствую, как злость поднимается к самому горлу.

– Мы же договорились, – голос срывается на рык, я уже не могу сдерживаться. – Да, Леся, она ударила тебя. Но ты прекрасно знаешь, почему! Ты, скорее всего, спровоцировала её,гнула свою линию, выдавила из неё реакцию! И теперь решила пойти в полицию? Что ты добиваешься? Что вообще пытаешься доказать?

На мгновение я вижу в её глазах проблеск испуга, но тут же она надевает привычную маску. Слёзы мгновенно наполняют глаза, голос дрожит. Это её стандартный ход.

– Ты серьёзно? – всхлипывает она, прикрывая рот ладонью. – Ты винишь меня? Она чуть не покалечила меня, Богдан! А ты... ты даже не пытаешься меня понять! Разве я не заслуживаю защиты? Разве я не заслуживаю, чтобы ты хоть раз встал на мою сторону?

Я смотрю на неё, и вместо жалости чувствую холодное отвращение. Её слёзы, этот показной надрыв — всё это теперь выглядит дешевым предоставлением.

– Леся, хватит, – резко обрываю, голос звучит твёрдо. – Ты прекрасно понимаешь, что сейчас делаешь. Ты хочешь показать себя жертвой, но на самом деле ты затеяла этот спектакль. Ты втянула полицию, втянула Ларису. Ради чего? Чтобы доказать что? Что ты несчастная?

Лицо Леси мгновенно меняется. Слёзы высыхают так быстро, как появились, а в глазах загорается огонь злости. Она резко садится на диване, голос становится жёстким.

– Ах, вот как? – говорит Леся, уже не стараясь, чтобы голос звучал мягко. – Значит, теперь я виновата? Она ударила меня, Богдан! Она, а не я ее. И ты, конечно же, защищаешь её. Всегда защищаешь её! Почему? Ты всегда выбираешь её!

Как же она задолбала... Защищаешь, выбираешь. Неужели нельзя просто спокойно все прояснить?

– Да, я выбираю её, – мой холодный голос гремит по комнате, каждая эмоция внутри меня вырывается наружу. – Потому что она мать моего сына. Потому что мы с ней прожили дохрена лет. И я никогда не позволю тебе втягивать её в это грязное дерьмо! Ты вообще понимаешь, что ты сделала? Ты хочешь, чтобы Семён узнал об этом? Ты думала о последствиях?

Её лицо краснеет от бешенства. Она встаёт, глядя мне прямо в глаза, её слова почти выплёскиваются из неё с яростью.

– Ты! Ты всегда защищаешь их! Лариса! Семён! А я? Я для тебя кто? Никто? Я всё ради тебя делаю, а ты даже не можешь защитить меня, когда я действительно нуждаюсь в тебе! Ты... ты просто не любишь меня, Богдан! Не любишь! Ты боишься её, боишься, что она настроит твоего сыночка против тебя!

Её слова жалят, но я не позволяю им затронуть меня. Я делаю шаг вперёд, смотрю ей прямо в глаза, моя решимость железная.

– Леся, – произношу я тихо, но так, чтобы она поняла: здесь нет места торгу, – ты забережь заявление. Иначе между нами всё кончено. Ты слышишь? Забереешь заявление. Сегодня же. Или я уйду.

Её глаза расширяются. Она открывает рот, будто собирается что-то сказать, но затем видит в моём лице, что я не шучу. Её голос срывается, когда она наконец отвечает.

– Ты не можешь так поступить со мной, – шепчет она, но её уверенность уже рассыпается. – Богдан, я же всё это делала ради нас...

– Ради нас? – горько усмехаюсь я. – Нет, Леся. Ты делала это ради себя. И теперь ты будешь исправлять всё, что натворила. Я больше не собираюсь терпеть это.

Она резко отворачивается, вытирая лицо руками, но это не слёзы. Это злость, разочарование, осознание поражения. Она сжимает зубы, тяжело дышит, но наконец кивает.

– Хорошо, – бросает она сухо. – Заберу я это идиотское заявление.

Киваю, разворачиваюсь и уйду в спальню, хлопая дверью. Внутри буря эмоций, но я знаю одно: если она не остановится, мне придётся поставить точку в этой истории. И точка будет не в её пользу.

Глава 15 Лариса

Прошло несколько месяцев. Иногда кажется, что время словно слепило мне новую жизнь из осколков старой. Всё ещё хрупкую, но уже достаточно цельную, чтобы я могла стоять на своих двоих. Буквально. Костыль теперь пылится в углу — символ борьбы, которую я выиграла. Я хожу самостоятельно, почти не хромая. Только легкая осторожность в движениях напоминает о том, что мой путь восстановления ещё не закончился.

Каждое утро начинается с зарядки. Семён подсмеивался, когда я пыталась изобрести свой "комплекс упражнений", но помогал, показывал что-то из своего спортивного арсенала. Его энергия за время его каникул дома наполняла дом жизнью, а меня — уверенностью.

— Мам, ты просто боишься, — говорил он, улыбаясь своей обезоруживающей, немного лукавой улыбкой. — Тебе давно уже не нужен этот костыль, просто сделай шаг. Один шаг.

Его слова стали для меня ритуалом: каждый день я делала ещё один шаг дальше. И в какой-то момент обнаружила, что могу не только ходить, но даже слегка пробежать, не морщась от боли.

Когда он улетел обратно учиться, мне стало пусто. Но я гордилась им и собой. Мы оба двигались вперёд, каждый своим путём.

Документы на развод пришли неожиданно. Я долго смотрела на конверт, не решаясь открыть. Что-то внутри сжалось, хотя я уже давно знала, что это неизбежно.

Когда развернула бумаги и пробежалась глазами по знакомым формулировкам, в груди защемило ещё сильнее. Казалось, что с этим конвертом пришло не только оповещение об официальном окончании брака, а нечто большее. Финальная точка в той жизни, которая была у нас с Богданом. Я долго держала ручку в руке, думая, чего мне больше: облегчения или горечи.

— Мам, ты в порядке? — раздался голос Семёна по видеосвязи. Он был на другом конце мира, но чувствовалось, что ему важно знать, как я справляюсь.

— В порядке, — сказала и поставила свою подпись. В тот момент я ощутила странное спокойствие, как будто что-то тяжёлое соскользнуло с моих плеч. Это был конец. И одновременно начало чего-то нового.

Работа стала моим спасением. Я вернулась туда, где меня ждали и поддерживали. Мои коллеги встретили меня тепло, будто я и не уходила. Погрузилась в дела, словно в терапию, постепенно чувствуя, как возвращаю себе контроль над жизнью.

В зеркале отражалась всё ещё не идеальная Лариса. До конца похудеть так и не получилось, но я перестала корить себя за это. Да, я другая. Но живая. И, как ни странно, это стало важнее, чем соответствие каким-то стандартам.

Каждое утро, накидывая на плечи пиджак перед выходом на работу, я улыбалась своему отражению:

«Ты справляешься. Ты сильнее, чем думала».

И вот этот звонок. Лида на том конце провода говорит своим привычным напористым тоном:

— Ларка, мы идём праздновать!

— Лид, я не уверена, что развод — это повод для праздника, — отвечаю я, усмехаясь. Её заразительная энергия всегда поднимает мне настроение.

— Это повод для свободы! — заявляет она. — Для твоей новой жизни. Мы с Мирой решили, что ты обязана отпраздновать это. Ты, наконец, вырвалась из цепей. Ну, давай же, скажи: "Да, Лида, я готова зажечь!"

Я смеюсь. В её словах есть что-то, что трогает меня. Возможно, я действительно заслуживаю этого вечера.

— Ладно, — говорю наконец. — Вы меня уговорили.

Мира, как всегда, включается в процесс со всей своей увлечённостью. Мы долго выбираем платье: простое, но элегантное, чтобы подчеркнуть мои сильные стороны и скрыть те части, которые я ещё не готова принять.

– Ты должна блистать, Лариса, – говорит она, пока я примеряю очередной вариант. – Этот вечер твой. Тыходишь в него как женщина, которая победила. Мы будем не праздновать развод, а твою свободу. Поняла?

Её энтузиазм заразителен, и к вечеру я действительно начинаю ощущать, что этот вечер станет для меня важным.

Когда смотрю на себя в зеркало перед выходом, вижу женщину, которая прошла через боль и разочарование, но не сломалась. Простое, но изысканное платье подчёркивает то, что я хочу показать: уверенность, которую я вернула себе шаг за шагом. Поправляю серьги и улыбаюсь своему отражению. Да, я справилась. Я больше не та Лариса, которая когда-то чувствовала себя потерянной.

В ресторане Мира и Лида уже ждут меня. Лида в своём стиле — яркая, энергичная, обнимает меня так, что едва не сдвигает с места.

– Ларка, ну ты огонь! – восхищённо восклицает она, оглядывая меня с головы до ног. – Где ты прятала эту красоту?

Мира, более сдержанная, но всё же улыбается.

– Ты выглядишь прекрасно, – говорит она. – А теперь давайте закажем что-нибудь вкусное. Сегодня твой вечер.

И впервые за долгое время я позволяю себе расслабиться, забыть обо всех проблемах и просто наслаждаться моментом. Этот вечер — мой.

Празднование подходит к концу, но лёгкость, которую подарили мне Лида и Мира, всё ещё со мной. Мы смеёмся, рассказываем друг другу истории, иногда вспоминая забавные моменты прошлого. В какой-то момент я осознаю, что давно не чувствовала себя так непринуждённо. Без груза воспоминаний, без постоянного анализа того, что я делаю и как это выглядит со стороны. Сегодня я просто живу.

Когда мы выходим из ресторана, вечерний город окутывает нас своей прохладой. Лида, размахивая руками, продолжает рассказывать о своих невероятных успехах на новом проекте:

– Ты понимаешь, Ларка, они без меня — как дети в детском саду! Я им: «Делайте то-то», а они: «Ой, а как это?». Вот честное слово, чувствую себя нянькой!

Мира смеётся, поддакивая ей, а я чуть отстраняюсь, наслаждаясь свежестью воздуха и огнями города. На душе удивительное спокойствие. Говорят, развод — это всегда драма, а я впервые за долгое время чувствую, что с каждым днём начинаю возвращать себя. Маленькими шажками.

Я поворачиваюсь к Лиде, чтобы сказать ей что-то, но мой взгляд падает на знакомый силуэт. Александр.

Он стоит у входа в соседний ресторан, разговаривая с кем-то. Его силуэт — высокий, уверенный, с лёгким наклоном плеч — сразу бросается в глаза. Я замираю. В груди что-то сжимается. Что он здесь делает? Как оказался в этом городе? Он ведь должен был остаться там, в нашем прошлом. В санатории, где мы пытались восстановить себя по-разному.

В этот момент он поворачивается. Наши глаза встречаются, и я вижу, как его лицо озаряется той самой тёплой улыбкой, которая отложилась в памяти. Мягкой, искренней, без каких-либо намёков. Моё сердце пропускает удар, а потом начинает биться быстрее. Почему я чувствую себя так неловко?

Он подходит ближе, его уверенные шаги наполняют меня странной смесью радости и напряжения.

– Лариса? – его голос звучит спокойно, но я улавливаю нотку удивления. – Какая неожиданная встреча.

– Александр, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Что ты здесь делаешь?
– Работа. Встретился с партнёрами, – говорит он, слегка пожав плечами. – А ты?
– Мы с подругами... отмечаем, – я жестом указываю на Лиду и Миру, которые замерли чуть в стороне, явно заинтересованные этим разговором. – Окончание важного этапа.

Его взгляд становится чуть мягче, чуть внимательнее.

– Ты хорошо выглядишь, – говорит он, сдержанно, но так, что у меня внутри всё переворачивается.

Я пытаюсь улыбнуться, но в голове всплывает то, как я поступила в последний раз. Как уехала, не попрощавшись. Только сухое сообщение, пару нейтральных слов: «Спасибо за всё. Я должна уехать. Всего хорошего».

Тогда не могла поступить иначе. Я спешила домой, а еще боялась. Боялась углубить эту связь, боялась, что привяжусь ещё больше. А теперь, глядя ему в глаза, чувствую, как этот поступок отдаётся неловкостью и горечью.

– Спасибо, – говорю тихо, стараясь не показывать своего смущения. – Я рада тебя видеть.

– Я тоже, – его голос остаётся спокойным, но я замечаю, как в его взгляде на мгновение мелькает что-то вроде вопроса.

Может, он тоже помнит то сухое прощание?

Тут вмешивается Лида, конечно, как всегда.

– Лариса, ты нас не познакомишь? – её голос полон неподдельного интереса, и глаза сверкают, как у ребёнка, который открыл новый подарок.

– Это Александр, – говорю я, чувствуя, как краснею. – Мы познакомились в санатории.

Александр протягивает руку Лиде, затем Мире.

– Очень приятно, – говорит он, его манеры спокойны, но я знаю, что он внимателен. Лида ухмыляется и сразу берёт инициативу в свои руки:

– Александр, а вы случайно не собираетесь остаться в городе? Нам кажется, что Лариса давно не встречала таких интересных людей.

Мира кивает, добавляя:

– Да, определённо. Она всегда в окружении только нас, таких зануд.

Я пытаюсь что-то сказать, но слова не находят дорогу. Александр улыбается:

– Посмотрим, – отвечает он, слегка наклонив голову. – Всё зависит от обстоятельств.

Когда он прощается и уходит, его шаги растворяются в шуме улицы, а я всё ещё стою, глядя ему вслед. В груди странное чувство: смесь облегчения, смущения и чего-то, чему я пока не могу дать названия.

– Так, Лариса, выкладывай, – Лида хватается меня под руку, её голос на два тона громче обычного. – Кто он? Откуда? Что ты скрываешь?

– Лида, перестань, – говорю я, но знаю, что это бесполезно.

Мира мягко, но точно вставляет:

– Ты вроде выглядела, как будто тебе неловко. Уж не тот ли это случай, о котором ты мне рассказывала? Курортная дружба?

Я отвожу взгляд, чувствуя, как внутри всё сжимается. И вот надо было мне им все рассказывать...

– Это он, да? – продолжает Мира, но без напора, просто как факт.

Я киваю, чуть усмехаясь, чтобы не выдать всей своей растерянности.

– Да. Это он.

Лида хлопает в ладоши.

– Ну всё, Ларка. Это судьба. Раз он здесь, значит, тебе нужно просто... хотя бы развеяться. А там посмотрим.

Я снова смотрю в сторону, где исчез Александр, и понимаю, что мой вечер обрёл неожиданный поворот.

Глава 16 Богдан

Когда я ставил подпись под документами о разводе, думал, что испытываю облегчение. Казалось, с этой бумагой уйдёт всё напряжение, накопленное за годы. Мы больше не будем тянуть друг друга вниз. Но вместо этого на меня нахлынуло странное ощущение пустоты. Я сидел за столом, смотрел на свою подпись, и в голове крутилась одна мысль: это конец. Не просто формальность, а конец целой главы моей жизни.

Лариса была со мной столько лет. Мы вместе строили семью, переживали сложности, радости, были друг для друга всем. А теперь — просто подпись. Я думал, что смогу поставить точку легко, но оказалось, что каждое движение ручки будто оставляет шрам.

Вернувшись домой, я сел в тишине. Леся тогда не была рядом — и хорошо. Её лёгкость и бесконечная болтовня, которые обычно отвлекали, в тот момент меня бы только раздражали. Чувствовал, как гулкое чувство потери наполняет меня, хотя не мог понять, что именно я потерял. Мы с Ларисой давно были чужими, но что-то внутри меня кричало, что это всё-таки важно. Я потерял не просто жену — часть себя.

Леся... Она должна была стать моим спасением. Лёгкая, яркая, как солнечный луч после долгой зимы. И она стала им. Первое время я тянулся к ней, как утопающий за соломинку. Её смех, её непосредственность, её восхищение мной — всё это поднимало меня на ноги. С ней я чувствовал себя нужным, сильным. Даже несмотря на мелкие ссоры. Слишком уж незначительными те были. Мне казалось, что рядом с Лесей я могу начать всё сначала.

Секс с ней был другой. Свежий, яркий, безо всякой рутины, которая так давно поселилась в моей спальне с Ларисой. Леся знала, как завести меня, как удивить. Она всегда была готова к экспериментам, и это подкупало. Каждый раз с ней был, как первый. Это возвращало мне уверенность, которая давно начала тускнеть.

Но за пределами постели всё стало сложнее. Её лёгкость, которая вначале казалась спасением, со временем начала раздражать. Она всегда смотрела на жизнь через призму собственных желаний. То, что я видел как наши отношения, для неё часто сводилось к тому, что она может получить.

Сначала это были мелочи.

«Зай, посмотри, какой красивый браслет! Думаешь, он мне подойдёт?»

Она говорила это, слегка наклоняя голову, играя с волосами, делая вид, будто спрашивает из чистого любопытства.

Но потом всегда следовал намёк:

«Конечно, у меня пока нет на него денег... но, может, ты хочешь порадовать свою девочку?»

Чем дальше, тем просьбы становились крупнее.

— Богдан, а ты когда-нибудь думал о том, чтобы мы переехали? — как-то раз сказала она, лёжа рядом со мной после очередной ночи, когда мы почти не спали.

— Переехали? — переспросил я, не понимая, куда она клонит. Квартиру, приобретенную в браке, я оставил бывшей. И, честно говоря, меня вполне устраивала арендованная.

— Ну да, в квартиру побольше. Зачем тебе эта съёмная нора? Ты заслуживаешь чего-то уровня люкс. А мне бы хотелось что-то светлое, просторное, с панорамными окнами. Представь, как красиво!

Я только усмехнулся тогда, подумав, что она просто мечтает. Но вскоре её слова начали повторяться, становясь всё более настойчивыми.

— Богдан, знаешь, на что я наткнулась? — сказала она однажды, протягивая телефон с фотографией огромной квартиры. — Смотри, тебе ведь это по силам. А?

– Леся, – я пытался сохранить спокойствие, но внутри начинало закипать. – У меня есть другие расходы. И, честно говоря, я не уверен, что сейчас время для таких перемен.

Она закатывала глаза, но не настаивала. Однако эти разговоры продолжались.

Другой момент, который начал меня тревожить, — это её отношение к деньгам. Я всегда платил за всё: ужины, поездки, даже мелкие покупки, которые она "забывала" оплатить сама. Сначала думал, что это нормально. Она моложе меня, ей хочется подарков, заботы. Но потом это стало походить на что-то большее.

– Зай, – начала она однажды, сидя напротив меня за завтраком. – У тебя ведь хорошие связи, да? Ты мог бы помочь мне устроиться куда-то... повыше.

– Ты хочешь сменить работу? – уточнил я, удивлённый её тоном.

– Ну да, – она пожала плечами. – Я подумала, что могла бы заняться чем-то более... прибыльным. Например, в твоей сфере. А что? Ты же не хочешь, чтобы я вечно была на задворках.

Меня задело это. Никогда не считал её слабой, никогда не видел в ней того, кто нуждается в моём одобрении. Но её желание "повыше" звучало так, будто я для неё не партнёр, а трамплин.

Дальше становилось только хуже.

– Богдан, посмотри, – сказала она однажды, показывая мне свой телефон. – Этот новый айфон такой классный. Мой уже совсем устарел. Я подумала, что это мог бы быть отличный подарок на наш очередной... месяц отношений.

Она говорила это с улыбкой, но в её голосе была уверенность. Она не сомневалась, что я скажу «да».

– Леся, – ответил спокойно, стараясь не поднимать голос, – не думаю, что телефон — это то, что нам сейчас нужно обсуждать. У меня есть другие траты.

Она закатила глаза, как подросток, которому отказали в новой игрушке.

– О, конечно, – сказала она с лёгкой обидой. – Вечно эти твои траты. А на меня никогда нет времени или денег.

Это её «на меня» застряло в голове. Как будто я не делал для неё уже достаточно. Как будто я был ей должен.

С каждым днём всё чаще ловил себя на мысли, что что-то не так. Всё с ней было поверхностным. Что-то важное, глубокое, настоящее — то, чего я искал в отношениях, — отсутствовало. Она заполнила пустоту, оставленную Ларисой, но не смогла создать ничего нового.

Даже когда она смеялась, гладила меня по руке или смотрела своими большими, искренними глазами, я чувствовал, что что-то не так. Может, это было во мне? Может, я не могу отпустить Ларису так, как думал? Или, может, Леся не та женщина, которая мне нужна?

Вечерами я ловил себя на том, что думаю о Ларисе. Как она? Справляется ли? Я говорил себе, что это просто беспокойство, ведь она мать моего сына. Но иногда мне казалось, что это что-то большее. Слишком много вопросов. Слишком много сомнений. И слишком мало ответов.

Глава 17 Лариса

Лариса

Когда на экране высвечивается имя Александра, моё сердце на мгновение замирает. Мне казалось, что всё, что связано с ним, я оставила в прошлом, в том тихом санатории, где каждый из нас залечивает свои раны. Но стоило услышать его голос, как волна тёплых воспоминаний накрывает меня, словно я возвращаюсь в тот момент, когда жизнь ещё кажется немного проще.

– Лариса, здравствуй, – его голос такой же, как я его помню: спокойный, тёплый, чуть глубже, чем надо, чтобы заставить тебя невольно улыбнуться. – Надеюсь, не отвлекаю?

Пальцы слегка дрожат. Это неожиданно. И слишком... волнительно.

– Нет, всё в порядке, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Но в груди всё сжимаюсь от напряжения, как будто эта беседа может что-то изменить.

Он замолкает, и в паузе я слышу его лёгкий вздох, будто он сам сомневается, стоит ли продолжать.

– Я долго думал, стоит ли тебе звонить, – произносит он наконец. – Но всё-таки решил рискнуть. Может, мы встретимся? Просто посидим, поговорим.

Первое желание — отказаться. Не потому, что не хочу его видеть. Просто кажется, что я ещё не готова. Но в его голосе есть что-то... честное, что разрушает мои колебания. Его слова словно протягивают ко мне руку, мягко, но настойчиво.

– Хорошо, – отвечаю я тихо, прежде чем успеваю передумать. – Когда?

Мы встречаемся в маленьком уютном кафе. Александр уже ждёт меня за столиком у окна, слегка прищурившись от заходящего солнца, свет которого падает на его лицо. Он выглядит так же, каким его помню: уверенный, спокойный, с едва заметной грустью в глазах. Увидев меня, он поднимается, и его улыбка становится чуть шире, теплее.

– Лариса, – говорит он, подойдя ближе. Его голос такой мягкий, отчего напряжение, с которым я шла сюда, начинает спадать. – Рад, что ты пришла.

– Я тоже, – признаюсь честно, хотя внутри всё ещё есть лёгкая неловкость.

Кафе наполняет запах свежесваренного кофе и едва уловимый аромат ванили. В тёплом свете ламп всё вокруг кажется почти домашним. Александр явно выбирал это место не случайно. Явно хотел создать для нас пространство, где мы могли бы поговорить открыто, без напряжения.

Сначала мы обсуждаем пустяки. Он спрашивает, как моя работа, а я, в свою очередь, интересуюсь, как идут его дела. Но в его взгляде читается больше, чем он говорит. Вижу, как он внимательно слушает меня, как его глаза иногда задерживаются чуть дольше, чем нужно, как будто он хочет что-то добавить, но не находит подходящего момента.

Когда приносят кофе, Александр делает глоток, отставляет чашку в сторону и смотрит на меня. Этот взгляд такой глубокий, такой серьёзный, что мне сразу становится ясно: сейчас что-то будет.

– Знаешь, – начинает он, чуть склонив голову, – я давно хотел рассказать тебе кое-что. Ты тогда так быстро уехала из санатория, что я даже не успел ничего объяснить.

Лёгкая волна смущения заливает моё лицо. Да, я тогда сбежала. Просто написала короткое сообщение, надеясь, что это будет проще. Для него. Для меня. Теперь же этот поступок кажется мне жестоким.

– Прости за это, – опускаю взгляд. – События так завертелись, что не было времени даже остановиться и нормально подумать.

– Всё нормально, – его голос мягкий, но в нём чувствуется серьёзность. – Просто я хочу, чтобы ты знала. Тогда, в санатории, ты была не просто случайным человеком. Ты помогла мне больше, чем могла подумать. И я хочу объяснить, почему.

Я смотрю на него, чувствуя, как моё сердце начинает биться чуть быстрее. Он делает глубокий вдох, будто собираясь с мыслями.

– Я женился, когда был молодым, – начинает он, его голос становится чуть тише, как будто он не хочет, чтобы нас слышал кто-то ещё. – Мы с Мариной прожили вместе почти десять лет. У нас родилась дочь. София. Она была... она была всем для нас. Такой светлый, добрый ребёнок, который, казалось, наполнял нашу жизнь смыслом.

Он замолкает. Слова его проникают глубоко в моё сердце. Лицо Александра становится серьёзным, почти тяжёлым, и он слегка сжимает руки, лежащие на столе.

– Когда Софии было шесть, у неё обнаружили редкое заболевание. Мы сделали всё, что могли. Лечили, ездили к лучшим врачам... но ничего не помогло. Она ушла через год после диагноза.

Он на мгновение закрывает глаза, будто хочет отгородиться от боли, которая явно всё ещё жива. Я смотрю на него, не зная, что сказать. Его потеря настолько глубока, что я просто не могу подобрать слов.

– После её смерти, – продолжает он, глядя в чашку перед собой, – мы с Мариной пытались быть рядом. Но каждый взгляд, каждое слово только усиливали боль. Мы начали обвинять друг друга. В том, что сделали недостаточно. В том, что не смогли спасти её.

Его голос срывается, и он проводит рукой по волосам, словно пытаюсь унять те эмоции, которые поднимаются в нём.

– Мы стали чужими. Каждый наш разговор был как рана. Мы оба знали, что так жить невозможно. В конце концов, мы развелись. Иногда лучше отпустить, чем продолжать причинять боль.

Слёзы подступают к горлу. Его боль такая настоящая, что мне самой становится тяжело дышать. Я боюсь прервать его, боюсь нарушить ту тишину, которая так громко говорит за него.

– После этого я просто жил, – говорит он, не поднимая глаз. – Работал, общался с людьми, но внутри всё было пусто. Психолог посоветовал мне тот санаторий, чтобы я хоть как-то выбрался из этого состояния. И тогда я встретил тебя.

Александр смотрит на меня, и в его глазах благодарность, тёплая и искренняя.

– Ты дала мне понять, что жизнь может продолжаться. Пусть медленно, пусть маленькими шагами. Ты даже не заметила, но твоя улыбка, твоя доброта изменили для меня больше, чем ты думаешь.

Молчу, чувствуя, как по коже пробегают мурашки. Его слова как прикосновение к чему-то, что я не осмеливаюсь трогать.

– Александр, – произношу я, чувствуя, как горло сжимается. – Мне так жаль, что ты прошёл через это. Я... я не знала.

– Не нужно меня жалеть, – он улыбается, но в этой улыбке всё ещё есть грусть. – Просто знай, что ты даёшь мне надежду. И это самое важное.

В груди разливается тепло. Эта встреча больше, чем просто разговор. Это новый шаг для нас обоих.

После той встречи с Александром всё меняется. Мы не договариваемся специально, но начинаем пересекаться всё чаще. Иногда он звонит мне, предлагает встретиться за чашкой кофе, иногда пишет короткие сообщения, которые всегда вызывают у меня улыбку. Не знаю, как так получилось, но наше общение становится естественным продолжением той тёплой беседы, что произошла в тот вечер.

– Ты ведь знаешь, что я здесь надолго? – однажды спрашивает он меня за завтраком в том же уютном кафе, где мы встретились в первый раз.

Я поднимаю взгляд от чашки чая.

– Что значит «надолго»?

Он усмехается, проводит рукой по краю стола и, чуть прищурившись, отвечает:

– У меня проект в вашем городе. Несколько месяцев работы, минимум. Решил, что это отличный повод... ну, скажем, снова научиться жить в ритме большого города.

– Так что это за проект?

– Это строительство жилого комплекса, – отвечает он, наконец. – Но не просто домов. Это что-то вроде маленького городка внутри большого города. Уютные дворы, инфраструктура, парки. Я хочу, чтобы люди, которые там будут жить, чувствовали себя... дома, понимаешь? Не просто «в квартире», а в месте, которое им захочется назвать своим.

Смотрю на него, чуть склонив голову, пытаюсь уловить те эмоции, которые скрываются за его словами.

– Это звучит амбициозно, – говорю я с улыбкой. – И непросто.

– Да, – он смеется, но в его смехе больше решимости, чем лёгкости. – Архитекторы уже не раз пытались убедить меня, что я слишком требовательный. Но, знаешь, это ведь не просто для меня. Это моя первая крупная работа после всего... что было. Это как доказательство. Самому себе. Что я ещё могу создать что-то настоящее.

Его слова трогают меня. В них столько искренности, что я на мгновение чувствую, будто тоже становлюсь частью этого проекта. Представляю уютные дворы, зелёные аллеи, смех детей, которые бегают по газону. Это гораздо больше, чем просто бетон и кирпич.

– И как всё идёт? – спрашиваю я, желая узнать больше.

Он усмехается и пожимает плечами.

– Бывает сложно. Мы только на стадии проектирования, и уже всплывает столько нюансов, что голова кругом. Но это приятно. Знаешь, что самое главное? Это чувствовать, что всё движется. Что ты можешь создать что-то, что будет жить дольше тебя.

– Это звучит как... что-то очень личное, – замечаю.

Александр смотрит на меня, и в его глазах я вижу отражение той самой глубины, которая делает его таким особенным.

– Лариса, – говорит он мягко. – Ты права. Для меня это личное. Очень. Я хочу, чтобы то, что я делаю, оставило след. Чтобы люди могли вспомнить, что есть места, созданные с душой, а не только ради выгоды. Понимаешь, они хотят просто коробки. Стандартные дома, стандартные решения. А я хочу больше зелени, больше пространства. Хочу, чтобы каждая деталь была продумана.

– Ты всегда был таким упрямым? – шучу я, глядя на него.

Он вновь смеется, но в его смехе была искренность.

– Наверное, да. Но я верю, что если делать, то только хорошо. Всё или ничего.

Мне нравится, как он говорит о своём проекте. В его словах столько жизни, столько энергии.

Однажды, после особенно долгого рабочего дня, я прихожу домой, и мой телефон зазвонил. Александр. Я устало отвечаю, но в его голосе так много тепла, что вся усталость сразу начинает исчезать.

– Лариса, ты устала, – говорит он, словно чувствует моё состояние. – Может, я заеду? Просто поговорим, прогуляемся. Тебе нужно отвлечься.

– Ты всегда знаешь, что сказать, – усмехаюсь, всё ещё удивляясь тому, как он умудряется читать меня.

– Это не сложно, – отвечает он. – Просто я хочу, чтобы ты чувствовала себя лучше. Ты заслуживаешь этого.

Мы проводим тот вечер, гуляя по тёмным улицам города, освещённым мягким светом фонарей. Он говорит о том, как ему нравится наш город, о людях, которых он встречает, о том, как ему становится легче дышать здесь.

– Я рад, что приехал сюда, – говорит он, когда мы останавливаемся у маленького фонтана.

– Рад, что у меня есть возможность быть рядом с тобой.

Смотрю на него, пытаюсь понять, как мне реагировать. Его слова звучат так просто, но за ними что-то большее. Я улыбаюсь, чувствуя, как в груди снова разливается тепло.

– Я тоже рада, – отвечаю я тихо, но уверенно.

С каждым днём наши встречи становятся всё ближе. Я чувствую, как наша дружба крепнет.

Глава 18 Богдан

Телефон звонит в самый неподходящий момент. Я сижу за столом в кабинете, передо мной разбросаны чертежи и бумаги, а цифры на экране монитора расплываются перед глазами. Голова гудит от напряжения — день явно выдался не из лёгких. Гудки телефона раздражают ещё больше, и я уже собираюсь отмахнуться, но взгляд падает на экран. Имя, которое я вижу, вызывает улыбку, даже несмотря на усталость. Семён. Мой сын. Сам мне звонит — это уже событие.

– Привет, Сёма, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без излишнего энтузиазма. Не хочу показаться слишком восторженным, хотя внутри приятно щемит. – Как ты?

– Привет, пап. Всё нормально, – его голос звучит спокойно, но в нём есть что-то новое. Какая-то уверенность, которую я раньше в нём не замечал. – Я прилетел на выходные. Решил предупредить, чтобы ты потом не говорил, что я не даю тебе шансов увидеться.

Его манера шутить неизменно вызывает у меня усмешку. Он весь в меня. Внутри что-то теплеет, и я чувствую, как напряжение дня постепенно спадает.

– Отлично. Где ты сейчас? Надо тебя забрать?

– Не нужно. Я уже устроился. У меня есть идея. Давай встретимся на ужин. Ты, я... и Леся.

Я замираю на мгновение, пытаюсь переварить его предложение. Он говорит это так спокойно, словно речь идёт о чём-то обыденном, а не о совместном ужине с человеком, к которому раньше не испытывал ничего, кроме раздражения. В груди всколыхнулось недоумение, но я быстро беру себя в руки.

– Ужин? С нами обоими? – уточняю, не скрывая удивления.

– Да, – его тон остаётся таким же уверенным, будто он всё тщательно продумал. – Мне кажется, пора поговорить. Ничего сложного. Просто ужин.

Это спокойствие сбивает меня с толку, но в то же время вызывает уважение. Семён явно что-то задумал.

– Хорошо, договорились, – соглашаюсь, хотя в голове уже роятся вопросы. – Где и когда?

Семён называет ресторан и время, я записываю это в телефон, а затем на несколько секунд задерживаюсь, держа трубку в руках. Его предложение удивляет, но в то же время радует. Он сам сделал первый шаг. Это многого стоит. Обычно Семён держит дистанцию, особенно с Лесей. Почему он изменил своё мнение? Этот вопрос не даёт мне покоя.

– Кто звонил? – голос Леси раздаётся из-за спины. Я оборачиваюсь, видя, как она появляется в дверях.

Её волосы небрежно собраны в пучок, лёгкий макияж подчёркивает её черты, а привычные домашние леггинсы и майка делают её образ расслабленным, но всё равно эффектным. Она будто сошла со страницы журнала — безупречная даже в будничной обстановке.

– Сёма, – отвечаю, откинувшись на спинку стула. – Он прилетел на выходные и пригласил нас на ужин.

Она останавливается, скрестив руки на груди, и прищуривается, словно анализируя мои слова.

– Нас? Обоих? Ты серьёзно?

– Абсолютно, – киваю, встречая её взгляд. – Это его идея. Он хочет нас видеть.

– А он точно хочет видеть *меня*? – её тон становится резким, и она слегка наклоняет голову, будто ожидая, что я дам ей «отсрочку».

– Леся, – говорю спокойно, но твёрдо. – Это его выбор. Может, он хочет наладить общение. Разве это плохо?

Она прищуривает глаза, и её лицо становится напряжённым. Кажется, она собирается возразить, но передумывает. Я знаю этот её взгляд — она не согласна, но понимает, что спорить бессмысленно. Леся всегда сдаётся, если видит, что я настроен серьёзно.

– Хорошо, ужин так ужин, – соглашается, но её голос звучит холодно. Она явно недовольна. – Но я надеюсь, он не начнёт учить меня жизни.

– Всё будет нормально, – отвечаю, улыбаясь, стараясь разрядить атмосферу. – Просто давай попробуем.

Она смотрит на меня ещё несколько секунд, словно оценивает, насколько я сам верю в свои слова, а затем разворачивается и уходит в спальню. Слышу, как она открывает шкаф — готовится к ужину. Внутри меня остаётся странное чувство. Ужасно хочется, чтобы этот вечер прошёл спокойно, но что-то подсказывает, что всё будет не так просто.

Мы приезжаем в ресторан чуть позже назначенного времени. Леся выглядит так, будто это её собственный показ мод. Платье сидит идеально, яркий макияж, волосы уложены. Внешне всё безупречно. Но её лицо выдаёт напряжение.

Семён уже ждёт нас за столиком у окна. Он сидит спокойно, расслабленно, с лёгкой улыбкой на лице. Когда мы подходим, он встаёт, чтобы поприветствовать меня. Ему удаётся выглядеть ещё взрослее, чем в прошлый раз. Его уверенность и спокойствие не то чтобы удивляют, но заставляют меня задуматься, что за этим стоит.

– Привет, пап, – говорит он, пожимая мою руку. Его голос тёплый, в нём нет прежней колкости.

– Привет, – влезает Леся с улыбкой, которая кажется чуть натянутой.

Семён кивает, но не удостоивает её даже коротким взглядом. Все его внимание сосредоточено на мне.

– Рад, что вы пришли, – произносит он, жестом приглашая нас сесть.

Официант сразу же подходит к нам, раздаёт меню. Атмосфера за столом странная: Семён явно в хорошем расположении духа, он улыбается, спрашивает, как прошла моя неделя, но Лесю будто не замечает. Она с раздражением листает меню, но я вижу, как её губы поджаты.

Мы делаем заказ, и, едва официант уходит, Семён неожиданно переключает внимание на Лесю.

– Леся, а как у тебя дела? – Семён задаёт вопрос с подчёркнутой вежливостью, которая звучит как холодный вызов. Его тон слишком ровный, чтобы быть искренним. Это звучит так, будто он спрашивает лишь для того, чтобы дать старт чему-то большему, чем просто разговор.

Леся поднимает глаза, в которых мелькает настороженность. Её уверенность, всегда такая непробиваемая, начинает рассыпаться. Она едва заметно напрягается, словно её застали врасплох, но быстро пытается взять себя в руки.

– Спасибо, всё хорошо, – отвечает она, натянуто улыбаясь. Голос чуть дрожит, но она старается сохранить лёгкость. – Работаем, живём. А у тебя как?

– Отлично, – Семён коротко кивает, откидываясь на спинку стула. Пауза, которую он делает после этих слов, кажется невыносимо долгой. Его глаза, холодные и пристальные, изучают Лесю, будто он видит её насквозь. Сын явно что-то обдумывает.

– Я вот тут думал, – наконец продолжает он, нарочито невинным тоном, который едва скрывает стальные нотки. – Папа много рассказывал про нашу семью, про прошлое. А ты что можешь рассказать о себе? Где ты раньше работала? Чем занималась?

Воздух вокруг стола становится густым, словно пространство сжимается. Я замечаю, как Леся бросает взгляд на меня, потом снова на Семёна, будто пытается понять, что это за вопрос и зачем он задаётся. Её улыбка становится жёстче, но она пытается удержать маску спокойствия.

– О, ну... я работала в нескольких местах, – говорит она с вымученной лёгкостью. – В основном на административных должностях.

– Правда? – Семён приподнимает брови, его губы растягиваются в едва заметной улыбке. Он слегка наклоняется вперёд, упираясь локтями в стол, в его тоне сквозит что-то хищное. – А кем именно? Чем ты занималась?

Его вопросы звучат слишком вежливо, но в них чувствуется давление. Это не просто интерес, это что-то большее, что ещё не озвучено. Леся замечает это, и её взгляд начинает метаться: на меня, на стол, на Семёна. Она явно нервничает.

– Секретарь, помощник, что-то вроде этого, – отвечает она, отводя глаза. Её руки под столом сжимаются, но она пытается говорить ровно. – Ничего особенного.

– Секретарь, значит, – повторяет Семён медленно, будто смакуя это слово. Его голос всё ещё звучит мягко, но интонация меняется. Затем он бросает: – А видео записывать — это тоже часть работы?

Её реакция мгновенная. Лицо вспыхивает, словно её ударили. Краска приливает к щекам, глаза расширяются от шока. На мгновение она выглядит так, будто её парализовало. Её губы приоткрываются, но слова не выходят. Руки под столом сжимаются в кулаки, а плечи подрагивают.

– Что за вопросы? – спрашивает она резко, пытаясь вернуть контроль, но её голос выдаёт дрожь. Она не смотрит на Семёна, избегает его взгляда, вместо этого уставившись куда-то мимо меня.

– Пап, ты уже видел? – Семён переключает внимание на меня. Голос его серьезный, резкий, и я чувствую, как внутри всё начинает сжиматься.

– Видел что? – хмурюсь, в груди нарастает тревога. Внутренний голос уже шепчет, что надвигается катастрофа.

Семён молча достаёт телефон, что-то нажимает и мне приходит новое сообщение. Лицо сына остаётся бесстрастным, но в глазах горит ледяная решимость.

– Смотри, – говорит он ровно, но его слова звучат как приговор. – Это то, на что ты променял свою семью. Думаю, вам стоит обсудить это.

Я беру телефон, чувствуя, как рука начинает слегка дрожать. Экран включается, и сначала я не понимаю, что вижу. Изображение слегка размытое, звук приглушён. Но через секунду становится ясно. Это видео. Леся. Она сидит перед камерой, её движения и выражение лица оставляют мало пространства для фантазии. Она удовлетворяет себя, позирует, иногда бросая взгляд в камеру. Её улыбка яркая, почти театральная, как будто она точно знает, что на неё смотрят. Это открытое, шокирующее, абсолютно мерзкое видео.

Кровь стучит в висках. Рука с телефоном становится тяжёлой, мышцы напрягаются. Я перевожу взгляд на неё. Она сидит напротив, бледная как мел. Губы поджаты, взгляд опущен. Её руки неподвижно лежат на коленях, пальцы сжаты так сильно, что костяшки побелели. Она выглядит так, будто её поймали на месте преступления.

– Семён, это... – пытаюсь что-то сказать, но мой голос звучит глухо, почти неестественно. Слова застревают в горле, и я не знаю, что хочу произнести.

– Пап, я ничего не буду объяснять, – перебивает он, поднимаясь из-за стола. Его движения спокойные. – Ты взрослый мужчина, разберись сам. Но вот это, – он кивает на телефон, – твой выбор.

Его слова, как плеть, обжигают. Он разворачивается и уходит, не оборачиваясь. Я не пытаюсь его остановить. Слишком ошеломлён, чтобы сказать хоть что-то.

Леся сидит напротив. Я смотрю на неё, пытаюсь осмыслить происходящее. В голове шумит, сердце колотится так, что кажется, вот-вот выскочит из груди. Она медленно поднимает глаза, но в её взгляде нет ни извинений, ни раскаяния. Только страх.

Воздух в ресторане словно застывает. Я всё ещё держу телефон в руке, но он уже кажется мне раскалённым. Внутри меня поднимается буря: гнев, стыд, недоумение. Что это вашу мать такое? Как я мог так ошибиться?

Глава 19 Богдан

Тупо глядя в телефон, пытаюсь осознать, что именно только что увидел. Реальность возвращается медленно, будто затянувшийся сон, превратившийся в кошмар. Мои мысли спутаны, но одно чувство вырывается наружу ярче всего — гнев. Глухой, затапливающий, разъедающий изнутри.

Леся не двигается. Она сидит напротив, словно превратившись в статую. Её лицо серое, губы плотно сжаты, плечи едва заметно подрагивают. Взгляд опущен, но я знаю, что она ощущает мою ярость. Знает, что я на грани. Чувствует, что это не просто неприятный разговор — это что-то куд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.